АУМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХ
МГП

© Альманах «Аум».
Литературный альманах современных писателей.
Выходит при содействии Международной гильдии писателей.
International Guild of Writers
Internationale Schriftstellergilde
www.ingild.com

Германия: Stella 2023; 149 стр.
Все права защищены.
© Дизайн: В. Цветков.
© Рисунки к рассказу «Соломон, нельзя!»: К. Успенская.

© Verlag „STELLA“
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-310-9

Verlag „STELLA“
Deutschland
2023

АУМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХ
МГП

Введение

ОМ или АУМ в индуистской и ведийской традициях – сакральный звук, изначальная мантра, «слово силы». Часто интерпретируется как символ божественной тримурти Брахмы, Вишну и Шивы. В соответствии с ведийским наследием считается, что звук ОМ был первым проявлением не явленного ещё Брахмана, давшим начало воспринимаемой Вселенной, произошедшей от вибрации, вызванной этим звуком.

Звук ОМ является самым священным звуком в индуизме. Его произносят в начале священных текстов, мантр и медитации в индуистской традиции. Он символизирует три священных текста Вед: Ригведа, Яджурведа, Самаведа. Звук «Ом» обсуждается в ряде Упанишад, являющихся текстами, содержащими философские рассуждения.

Помимо олицетворения индуистской божественной триады, он сам по себе является наивысшей мантрой, символизируя собой Брахман (высшую реальность) и Вселенную как таковую. Три его составляющих (А, У, М) традиционно символизируют Создание, Поддержание и Разрушение – категории космогонии Вед и индуизма.

В эзотерических учениях звук ОМ предстаёт как «тройной огонь» во Вселенной и человеке. Оккультно он толкуется как высший тетраксис, поскольку символизирует Агни, носящего имя Абхиманим, превращающегося в своих троих сыновей: Паваку, Паваману и Шучи, «которые выпивают воду», что означает уничтожение материальных желаний.

А вот, что пишет Елена Блаватская в своей книге «Тайная доктрина»:

…«ОМ», говорит арийский Адепт, сын Пятой Расы, который этим слогом начинает и заканчивает свое приветствие человеческому существу, свое заклинание или обращение к нечеловеческим ПРИСУТСТВИЯМ.

«ОМ-МАНИ», шепчет туранский Адепт, потомок Четвертой Расы; и после небольшой паузы добавляет: «ПАДМЕ-ХУМ».

Это знаменитое заклинание весьма неправильно переведено востоковедами как «О, Драгоценность в Лотосе». Ибо, хотя и буквально Ом есть слог, относящийся к Божеству, ПАДМЕ означает «в Лотосе», и МАНИ есть любой драгоценный камень, – все же ни сами слова, ни их символическое значение таким образом в самом деле не переданы правильно.

< ... >

Мистическая фраза «Ом Мани Падме Хум» при правильном ее понимании вместо того, чтобы быть составленной из почти бессмысленных слов «О, Драгоценность в Лотосе», содержит ссылку на этот неразрывный союз между Человеком и Вселенной, выражающийся в семи различных видах и обладающий способностью семи различных применений к стольким же планам мысли и действия.

В каком бы аспекте мы ни рассматривали ее, она означает: «Я есмь то, что Я есмь»; «Я в тебе, и ты во мне». В этом соединении и тесном союзе добрый и чистый человек становится Богом. Сознательно или бессознательно он вызовет или неумышленно послужит причиной неизбежных результатов. В первом случае, если он является Посвященным (конечно, здесь подразумевается только Адепт Пути Правой Руки), то может направлять благодетельный или защитный ток и таким образом приносить пользу и защищать отдельные личности и даже целые народы. Во втором случае, хотя и совсем не созна-

вая, что он делает, добрый человек становится щитом для всех, с кем бы он ни находился.

Таков факт; но его «как» и «почему» требуют объяснения, а оно может быть дано только тогда, когда действительное присутствие и могущество чисел в звуках и, следовательно, в словах и буквах станет ясным. Формула «Ом Мани Падме Хум» была выбрана в качестве иллюстрации вследствие ее почти беспредельного могущества в устах Адепта и ее потенциальности при произношении любым человеком. Будьте осторожны вы все, которые это читаете: не произносите этих слов попусту или когда вы в гневе, чтобы вы сами не стали первой жертвой или, что еще хуже, не подвергли опасности тех, кого вы любите.

Профан-востоковед, который всю жизнь схватывает только внешнюю сторону, с оттенком высокомерия и хохоча над суевериями, скажет вам, что в Тибете эта формула считается наиболее могущественным шестисложным заклинанием, и сказано, что она была дана народам Центральной Азии Падмапани тибетским Ченрези. Но кто в действительности есть Падмапани? Каждый из нас должен узнать его сам, когда будет к этому готов. Каждый из нас внутри себя имеет «Драгоценность в Лотосе», назовите его Падмапани, Кришной, Буддой, Христом или каким-либо другим именем, какое мы можем дать нашему божественному Я.

< ... >

Слово АУМ или ОМ, которое соответствует верхнему Треугольнику, если оно произносится очень святым и чистым человеком, вызовет к действию или разбудит не только менее возвышенные Силы, пребывающие в планетарных пространствах и элементах, но даже его Высшее Я, или «Отца» внутри его. Будучи правильно произнесено средне-хорошим челове-

ком, оно поможет ему нравственно усилиться, особенно, если он между «АУМмами» сосредоточенно медитирует об АУМе внутри себя, сосредоточив все свое внимание на неизреченном величии. Но горе тому человеку, который произносит его после совершения какого-либо греха с далеко идущими последствиями: он этим только привлечет в свою нечистую фотосферу невидимые Присутствия и Силы, которые иначе не могли бы прорваться через Божественную Оболочку.

Аминь произошло от АУМ. Однако Аминь не есть еврейский термин, но так же, как слово Аллилуйя, было заимствовано евреями и греками у халдеев. Последнее слово часто встречается повторенным в некоторых магических надписях на чашках и урнах среди Вавилонских и Ниневийских реликвий. Аминь вовсе не означает «да будет так» или «истинно», но в седой древности означало почти то же самое, что АУМ. Еврейские танаимы (Посвященные) пользовались им по тем же причинам, по каким еврейские Адепты пользуются АУМом, и с таким же успехом; числовая величина AMeN на еврейском языке составляет 91, то же самое, что и полное значение YHVH, 26 и ADoNaY, 65, или 91. Оба слова означают подтверждение существования или бытия бесполого «Господа» внутри нас.

…

И в заключение: символ АУМ или ОМ многолик. С его помощью можно узнать правильное решение, получить ответ, найти выход из затруднительного положения. Его по праву можно назвать и талисманом, но только для тех, кто в него верит.

ॐ

Ирина Яворовская

АУМ

Наши жизни и судьбы
только в наших руках,
и об этом расскажет тебе альманах,
что ты держишь сегодня
в руках и в душе
на крутом, на живом,
на земном вираже.

Если мы не очнёмся –
Земля не простит,
ей и так уже тяжко
от наших грехов,
и не может терпеть
самый крепкий гранит
бездуховности, ставшей
основой основ.

«Аум!» – мы повторяем
и в мыслях, и вслух,
«Аум!» – просим бездонное
небо опять,
чтоб очистился разум
и выстоял дух
там, где даже камням
нелегко устоять.

«Аум!», «Аум!» – в космических
далях звучит,

и уставшая вера
встаёт на дыбы,
и неправедный мир
в одинокой ночи́
жаждет новой, высокой,
прекрасной судьбы…

2022 год

Мир как будто сошёл с ума,
рвёт себя на куски к тому ж,
бесконечного зла зима
угрожает морозом душ.

Каждодневная жуть тяжка́,
и просвета в кошмаре нет,
от младенца до старика
каждый в жгучих оковах бед.

Жизнь сегодня как звук пустой,
вся Европа зашла в тупик.
Просит Бога помочь с тоской
тот, кто к этому не привык.

Что же завтра? Ответа нет.
Лишь война потрясает всех,
и бессменно суров рассвет,
и победой гордится грех.

* * *

Не спасает пророк, но вещает о том,
что́ ему заповедано небом,
входит в душу и в мысли,
как в собственный дом,
Может, старцем, а может быть, Фебом*.

И не слушать его, значит, правды не знать,
и в потёмках, глухих и нежданных,
как в дремучем лесу,
безнадёжно плутать,
в окруженье покровов туманных.

Потому и стою, добрый ясень обняв,
и ловлю откровенья, в которых
всё, что мне суждено,
даже если не прав
этот мир, рвущий нервы упорно.

Жизнь – одна. Каждый миг
в ней уже предрешён,
Божий дар и врачует, и греет.
Сердце – тоже пророк,
и ему в унисон
завтра стану я в чём-то мудрее…

* Феб – одно из имён Аполлона.

* * *

Ночь подходит, а следом и грёзы,
с ней согласные в чём-то вполне,
и рождаются вспышками звёзды
на широком её полотне.

Ветерок овевает незримо
мир, уставший от долгого дня,
и сильнее тоска о любимом,
и отраднее пляска огня

у костра, где и чайник пузатый,
и гитара, и байки, и смех,
и о чём-то мечтают ребята,
твёрдо веря в себя и в успех.

Этих летних ночей обаянье
в жизнь с собою они понесут,
вместе с даром открытий и знанья,
начиная свой главный маршрут.

Гюльшен Ализаде

СОН ИЛИ НЕТ…

– Нет… или да. Трудно точно сказать… В голове все не так, как прежде… Я… я словно потерялся. Не знаю, как ответить на ваш вопрос. Мысли… Они путаются. Спорят друг с другом… Рождаются, умирают, возрождаются из мертвых, а потом снова умирают… Вот… Я вижу одну из них… – напряженным взглядом последовал он за чем-то в воздухе. – Вот… – указал он на то, что видел лишь сам. – Она то исчезает, то вновь появляется. Спешит куда-то… Видимо, к остальным. Но это бред… Определенно. Вы, наверное, думаете, что я схожу с ума. Понимаю… Каждый на вашем месте, не будь он даже психотерапевтом, был бы в этом уверен с того самого момента, как начал со мной разговор.

Мужчина, словно обессилев, резко и неожиданно опустил голову вниз.

– Нет-нет, не переживайте, Рик! Это все последствия затяжной бессонницы. Она приводит к истощению организма в целом! Что уж говорить о мозговой деятельности!.. Вы принимаете таблетки? Я подразумеваю снотворное? – задал очередной вопрос доктор, внимательно следя за реакцией пациента на его голос.

Тот вздрогнул, будто проснувшись.

– Мне нельзя… Я не сплю уже много… много времени. Нельзя, не могу… Точнее, от них давно нет пользы, – начав слегка раскачиваться, ответил мужчина.

Он широко раскрыл глаза и, обведя доктора затуманенным взглядом, помотал головой, словно, пытаясь избавиться

от обволакивающего своей дурманящей теплотой сна, как от назойливой мухи.

– Там… там плохо… Все очень плохо! – вырвались из его груди слова в истошном болезненном возгласе. – Я не в силах контролировать ситуацию, хоть как-то воздействовать на нее! Я… я не могу вернуться туда! Поэтому нужно найти какой-то другой выход…

Рик с силой ударил кулаком по голове. Потом снова, и еще раз, теперь уже издав стон то ли от боли, то ли от отчаяния.

– Успокойтесь, прошу вас! – вскрикнул врач. – Вы… вы слышите меня?! Прекращайте это!

Подбежав к пациенту, он схватил его за руки, чтобы остановить.

– Я теряю себя… Того, кто мне дорог! Убейте меня, молю вас, док! Избавьте меня от этого! Избавьте!.. – словно не слыша его, раскачиваясь все больше и больше, прошептал мужчина.

В какой-то момент он остановился и взглянул на доктора. Тот невольно отпрянул. Этот взгляд, эти сузившиеся, покрытые розоватой пеленой, плавающие в какой-то мутной жидкости глаза… Они смотрели не так, как нужно, не так, как полагается.

– Я не знаю, зачем пришел сюда… Чего я от вас хочу, что ожидаю? – внезапно, приняв недоумевающий вид, спросил Рик.

– Вы говорили, что вас мучают кошмары. И потому вы боитесь заснуть. Если проблема только в этом, то я в силах помочь вам, – ответил врач, вымученно любезно при этом улыбнувшись.

Взяв ручку и открыв блокнот, он что-то записал туда. Это было целенаправленное действие, маневр, используемый для

того, чтобы отвлечь пациента и перевести его внимание на что-то бессмысленное и пустое.

– Рик, я сейчас же объясню вам все… Сны являются результатом наших переживаний в прошлом или же настоящем. Пережитые эмоции, продолжая и дальше свое существование, теперь уже обретают, так сказать, некую оболочку, принимая определенные образы, – избегая пристального, внушающего некий, еле ощутимый страх, взгляда пациента, продолжил врач.

Крутя ручку между пальцами, он вдруг заметил, как мужчина напряженно внимательно следит за его рукой. Это заставило его остановиться и положить ее обратно на стол.

– Продолжайте, – хриплым шепотом приказал ему Рик.

– Ну… Так вот… – чуть нерешительно выговорил молодой психотерапевт. – Нам всего лишь надо отыскать триггер, присутствующий в вашем подсознании, и избавиться от него... От той отправной точки, которая спровоцировала столь серьезное психоэмоциональное нарушение.

– Док, постойте, остановитесь! – устало остановил его мужчина. – Успел я начитаться этого. Изучил до последней точки. Разложил все эти термины на отдельные буквы, а потом собрал в слова, которые ничего не значат. В те слова, которыми вы сейчас разбрасываетесь направо и налево, стремясь выглядеть настоящим профессионалом своего дела. Все это чушь и ничего более! Не все, что вы не способны понять, связано с прошлым, которое аккуратно разложено по специальным ячейкам в подсознании.

– Но вы не можете вот так… Это наука! Медицина! Будьте добры, не перебивайте меня и позвольте начать лечение, если уж обратились к нам! – недоуменно возразил врач.

В ответ Рик, резко поднявшись с места, подскочил к его столу и схватился за его края руками.

– Вы бесите меня своей непоколебимой уверенностью в том, о чем не имеете никакого понятия! Учитывая это, вы, док, – тот раздражитель, от которого мне следует сейчас же избавиться! Не так ли?! – сердито выкрикнул он, сконцентрировав зловещий взгляд на зрачках доктора. – Это вывод, который я сделал из ваших же слов!

– Что?.. – растерянно испуганно проговорил доктор. – Пожалуйста, успокойтесь…

– Еще вопрос… Как вы думаете, док, здесь есть кто-то, кроме нас? – вдруг задал мужчина еще один, совершенно неожиданный вопрос.

– Как?.. Не… не понял вас… – сбивчиво промямлил доктор.

– Не поняли? Или не способны определиться с ответом сразу же?! Приняв на себя этот показной нелепый вид, вы всего лишь растягиваете время для того, чтобы осмотреться вокруг и убедиться в том, что здесь действительно никого, кроме нас, нет! Да, да! Вот, – вытянул он указательный палец в направлении врача, – вы действительно окинули комнату взглядом! Скажете нет?! Что молчите?! Придумываете более или менее вразумительное объяснение своей непонятливости?!

– Я… я не понимаю вас!.. Отойдите от стола и сядьте на свое место! – пытаясь не выдать волнения, строго выговорил врач. – Не забывайте, что находитесь в медицинском учреждении!

– Да?.. Действительно?! И что это меняет? Неужели признание мной данного факта способно помочь мне справиться с триггером, который, как вы утверждаете, сидит в моем под-

сознании? – иронично усмехнувшись, вернулся на свое место Рик.

– Я всего лишь хочу помочь вам справиться с недугом… Незачем воспринимать каждое произносимое мной слово в штыки… – выдохнув, покачал головой врач.

– Вы не ответили на вопрос… Сделать это за вас?.. – продолжил в том же духе пациент. – Или задать еще один? Полегче…

– А может, прекратим разбираться во мне и перейдем к вам? – с некоторым недовольством в голосе предложил врач. – Как насчет этого?

– Вы раздражены, док? Я прослеживаю агрессивные нотки в вашем голосе. Возможно ли, что причиной этому послужили мои высказывания?.. Ну, те… касательно вашей адекватности?

– Моей адекватности?! – громко возмутился врач. – То есть, я правильно понял?.. Вас не смущает то, что вы – пациент, а я – психотерапевт!

– Как раз этого ответа я и добивался! Браво, док! – хлопнув в ладоши, радостно проговорил пациент.

– Чего?! О чем это вы?! – рассердился врач. – Прекращайте эти нездоровые игры! Вам не удастся манипулировать ситуацией, так и знайте! Я не позволю вам этого!

– Успокойтесь, док. Не надо так злиться! Поберегите нервы… – нарочито спокойно высказал мужчина. – И все-таки я оказался прав… – многозначительно ухмыльнулся он.

– В чем, черт бы вас побрал?! – привстав с места, громко закричал врач. – Отвечайте мне! Сейчас же!

– В вашей неадекватности, док! – развел руками пациент.

– Объясните… – часто дыша, но, стараясь держать себя в руках, прерывающимся голосом произнес врач.

– Триггер… Тот, что сидит глубоко в вашем подсознании… Вам следовало бы сначала справиться с ним, а потом уже выбирать профессию психотерапевта, – пояснил Рик. – Суждения, касающиеся вашего психического здоровья… Они выводят вас из себя! Если даже тот, кто высказывает их, является вашим пациентом! Но я сейчас же могу избавить вас от того самого триггера! – сказал он и резким движением руки полез во внутренний карман куртки.

– Остановитесь! – выкрикнул доктор, побледнев. – Ни движения больше! Я вызываю охрану!

Вскочив на ноги, он нажал на кнопку вызова под столом и отбежал к стене. Пространство кабинета сразу же наполнилось каким-то теплым, словно журчащим, звуком, даже, скорее, трелью, совершенно не схожей с сигналом тревоги. В тот же момент дверь будто вышибли. Охранник с резиновой дубинкой в руке подбежал сначала к доктору, но, опомнившись, поменял направление и чуть ли не сшиб с места Рика.

– Он… он вооружен! – вскричал доктор, указав на мужчину, все так же спокойно сидящего на стуле. – Обыщите его! Быстрей! Там, в кармане куртки!

Не сказав ни слова, пациент встал и завел руки за голову.

– Без резких движений! – рявкнув, начал проверку охранник. – Чисто, – вынес он заключение. – Только… вот это, – протянул он руку, в которой держал пачку сигарет, врачу.

– Он специально это сделал! – раскрасневшись от осознания нелепости ситуации, злобно выговорил тот. – Он повел себя так, чтобы я так подумал!

– О чем это вы, доктор? Я всего лишь полез за сигаретами! Ну, да, вы правы, курить в помещении все-таки неприлично. Ваше поведение вполне объяснимо и небезосновательно. А если все мы действительно находимся по ту сторону созна-

ния, то и вполне допустимо, – насмешливым тоном, начав едва заметно раскачиваться, произнес мужчина. – Но, думаю, что довольно с вас на сегодня… Я сейчас же устрою все так, как если происходящее являлось бы всего лишь дурным сном… кошмаром, который привиделся вам. А взамен беру обещание!.. Вы признаете и справитесь сначала со своим триггером, а потом уже будете искать их в пациентах… – сказав, закурил он.

Сигаретный дым, мгновенно распространившись вокруг, одурманил воздух, и, поглотив Рика, завис в кабинете густым белым облаком, пелена которого внезапно прорезалась мелодично-протяжным звуком будильника. Резко скинув с себя одеяло, молодой психотерапевт приподнялся и обвел сонным, еще не вполне пробудившимся взглядом комнату…

Борис Губерман

ВЕЯНЬЕ

Откинусь я в кресле
И пледом накроюсь теплей,
Счастливые мысли ко мне забредут,
Успокоят,
Повеет теплом,
И, быть может, я даже усну
От всех этих мыслей,
Что, может быть, даже тревожат.
Засну я под пледом,
Пусть тихие сны набегут,
Ведь где-то морозно
И падает снег на ладошку,
И радостно льётся потоками свет на сугробы,
И мягко спадают тенями на тротуары
Отсветы луны,
Похожие очень на тёплые, нежные сны.
И станет легко от уюта нахлынувших дум,
Ведь в кресле удобно
И хочется в чудное верить,
Пусть что-то тревожит,
В прекрасное хочется верить,
Как в яркий цветок,
От которого веет живым.

ГОРБУН НА ВЕРБЛЮДЕ

Не могут ничем насладиться вполне
и маются с юмором люди,
И видят ночами всё время во сне
они горбуна на верблюде.

Игорь Губерман

Горбун на верблюде,
А как отличить,
Ведь каждый из них горбат,
И каждый из них тебе не брат,
И братом не будет тебе.
К чему тебе фантик от чьих-то конфет,
Ведь сладости никакой,
Да разве ж не станет сердце болеть
От нескончаемых бед.
Горбун на верблюде –
Почти смешно,
Нонсенс на вираже,
И громко хохочет беззубый старик,
Дёсны свои обнажив.
Беззубый старик
И безродный горбун,
Попробуй-ка их свяжи…

На пятой точке сидит и хохочет
Горбун на верблюде верхом.

Татьяна Бадакова

МОЙ ЧУДЕСНЫЙ ДРУГ

Истинное счастье невозможно
без одиночества.
А. П. Чехов

Расскажу вам сегодня о своём удивительном друге. Встречаемся мы с ним нечасто, а добрая память от наших встреч остаётся в сердце надолго.

Живёт мой друг в калмыцкой степи, в замечательном месте, где привольно и птице, и зверю. Из-под земли бьют родники с чудодейственной водой, а яркое солнце, высокое синее небо и вольный ветер – не редкие гости моего друга.

Кто же он, мой загадочный друг?

Ему много-много лет, у него давняя, почти сказочная история жизни. А судьба ему определила важную миссию на Земле.

Более века назад вернувшийся из паломничества к далёким тибетским святыням, старый монах Пурдаш-багши закопал на возвышенности свой посох. А в надрезе посоха были бережно сохранённые семена священного тополя Лхасы. На радость и удивление всем в засушливом краю случилось чудо – проклюнулись росточки будущего дерева.

В окрестности нет больше ни деревьев, ни кустарников, лишь только бескрайняя Степь и он – Одинокий тополь. Поэтому и дано такое имя моему другу.

Примечательно то, что разрез ствола Тополя имеет особое строение – пятиконечную сердцевину. Калмыки символизи-

руют этот факт с пятью стихиями, которые составляют основу мира.

Когда приезжаю к этому сакральному месту, ощущение наполненности пространства не покидает меня. Сильная положительная энергетика вокруг и умиротворяющая тишина. Кажется, что время здесь остановилось. Множество белоснежных буддистских ступ и разноцветные развевающиеся «Кони ветра» усиливают чувство нереальности.

Прислонившись к древнему шершавому стволу, пытаюсь понять состояние и настроение своего друга, принять исходящие от него энергию и тепло. И удивительно то, что и себя начинаю воспринимать со стороны, будто я – это частичка Тополя, растворённая в нём.

Подолгу с замиранием смотрю на ветвистую крону дерева, сквозь которую приветливо пробиваются радужные лучи солнца. Молча веду с ним беседу. Своими мыслями, а иногда и неожиданными откровениями я делюсь со своим сердечным другом. Он понимающе кивает мне ветвями, а я чувствую его одобрение в виде ярких бликов на резных листьях. По тихому их шуршанию я понимаю, что мы вместе. Мне передаётся добрая энергия Тополя.

Нет, он вовсе не одинок, наш Одинокий тополь!

У него множество друзей по всему миру.

К нему приходят в любое время года и в любое время суток. Приходят, когда хотят поделиться своим счастьем или в минуты сердечной боли и тревоги за поддержкой. Совершая ритуал поклонения святыне, обходят Тополь по часовой стрелке, тем самым освобождаются от всего злого и обретают гармонию. Приезжают с разных концов Земли, чтобы просто побыть рядом, как к самому близкому другу. К нему идут про-

стые миряне и буддисты, желая прикоснуться к его святой душе и помедитировать.

«А почему великие практики йоги медитировали именно под деревом? В дереве энергия движется снизу вверх. Кроме того, исследования учёных подтверждают, что в деревьях, как и в людях, проходят слабые электрические импульсы. А импульсы корневой системы деревьев идентичны работе нейронов в мозгу человека. И это ещё раз доказывает то, насколько гармонично устроен мир, где все живые существа взаимодействуют друг с другом».

И представляется мне, что наш Тополь, как и человек, при рождении заряженный атомом любви, источает свою безмерную любовь ко всему живому.

«Неужели деревья способны думать, чувствовать и даже говорить? Неужели нам, разумным существам, есть чему у них поучиться?»

И как же было бы прекрасно, если люди в шелесте листвы научились бы слышать голос природы!

Когда наступает ночь, смолкают все звуки беспокойного дня, Тополь остаётся как верный страж дорогой сердцу Степи. И теперь я точно знаю, почему он счастлив и не одинок: у него есть любовь всей жизни – красавица Степь.

А мне после незабываемых встреч с нашим священным деревом непременно становится легко и светло на душе.

Благодарю тебя, мой чудесный друг – неОдинокий тополь!

НАУЧИЛ ЖИТЬ «ВО ИМЯ»

Семидесятые годы прошлого столетия.

Апрель.

Всё сегодня подчинено доброй встрече – расцветающая и щебечущая весна, тщательно подобранный наряд, чудесное настроение и лёгкое волнение.

Совсем ещё юная студентка спешит на свидание с Поэтом.

Она взволнована, а сердце её ликует уже с утра. Прочитав сообщение на Доске объявлений в студенческом городке, её лирическая душа затрепетала как от встречи с любимым.

«Какой он, знаменитый поэт?»

«О чём поведает? Что прочтёт?»

«И что же услышит она?»

Её интересовало всё, даже как он будет выглядеть, какой у него голос. На самом ли деле он очень необычно читает свои стихи? Нараспев, словно древний джангарчи.

Зал полон.

Открывается дверь, и в аудиторию входит… не человек, а человечище. Статный, степенный, широкоплечий калмык. Показалось – облачи его в доспехи, и превратится он в богатыря из её детских книжек. Но воина очень и очень мирного: на лице улыбка, тёплый взгляд его карих с прищуром глаз излучает свет. И весь его облик – сплошное олицетворение чуда. Необычная причёска с развевающими кудрявыми, зачёсанными назад волосами, высокий лоб и голос…

Когда он заговорил, пред ней предстал сказочник-пророк с ласкающим слух голосом. Он не говорил, он пел.

Дела, гремевшие в веках,
Не сгинули безвестно,
Не превратились в тусклый прах,
Не погрузились в бездну.
В нас всех – грядущего зерно:
Нет почвы плодородней…
«Вчера» и «Завтра» сплетено
Одним узлом «Сегодня».

Да-да, именно так он читал, проговаривая каждую букву, как она есть, не «СеВодня», а «СеГодня». В особенности подчёркивая согласные. В них он видел, наверное, силу слова и стиха.

Поэт завладел вниманием всех присутствующих. Глаза и уши больше не видели и не слышали ничего вокруг. Истинная магия Творца!

Никто не помнит своего рожденья,
Никто не вспомнит свой последний час.
Два рубежа, две грани, два мгновенья
Не ведомы ни одному из нас.
И всё пространство, весь кипучий бег
Ночей и дней меж рубежами теми,
Всё, что философ именует «время»,
Что жизнью называет человек.

Честность каждого его слова чувствовалась сразу и поэтому притягивала.

Друзья похвалят, не переча,
Осудят подруги, сердясь.
Зато с читателями встреча
Чиста от злобы и прикрас.

Читал он много, с упоением.

А люди слушали, затаив дыхание, стараясь запомнить и вобрать в себя философию умудрённого жизнью человека.

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог.
И русская старушка, помню,
Мне хлеба сунула кусок.
Затем тайком перекрестила
В моём кармане свой ломоть.
И быстро прочь засеменила,
Шепнув: «Спаси тебя господь!»
Хотелось мне, её не зная,
Воскликнуть: «Бабушка родная!»
Хотелось петь, кричать: «Ура!»
Рукой в кармане ощущая,
Существование добра.

– А где же любовь, чистая и нежная?

И словно услышав её, Поэт тут же откликнулся:

Жду тебя…
Жгучий ветер, протяжно трубя, обжигает лицо.
Жду тебя…

Снег позёмкой шуршит, под ногами скрипя,
Жду тебя…
А мороз, белым просом слепя, на ресницах застыл.
Жду тебя…
И бросает меня не от холода в дрожь,
А от мысли, что ты не придёшь!

И чем дольше длилась встреча, тем больше заполнялась душа Девушки богатством, что дарил ей Поэт. Всё шире становилось пространство, отдалялись горизонты. Ей предоставилась площадка для взлёта и возможность увидеть высокое.

Когда он закончил читать, посыпались вопросы. Отвечал он охотно, так же философски мудро, но в то же время простыми словами.

Главный ответ на главный вопрос вечера и всей человеческой сущности «В чём смысл жизни?» – эта юная душа запомнила навсегда: Чтобы жить и творить, необходимо иметь «Во имя».

Так и старается она жить – во имя добра, во имя благополучия родных и близких, во имя счастья, во имя мира.

Спасибо, великий Поэт!

Поэт – Давид Никитич Кугультинов,

Студентка – Татьяна Бадакова.

Виктория Левина

КУДА УХОДЯТ МАЙЯ ИЗ ТИКАЛЯ

Послесловие к путешествию по Гватемале

Куда уходят майя из Тикаля*?
История ответа не услышит –
организованно, оставив дом под крышей,
процессия печальная такая...

Останется гробница Ягуара,
останется жены его гробница,
печальные испуганные лица
уйдут во тьму, сокрытую недаром.

А джунгли поживают тихо, чинно,
прижался лес вплотную к храмам майя –
экспансия деревьев корневая
меняет потихоньку их личину.

И только время отмеряют птицы –
меж храмов четырёх поют синхронно.
И утреннее карканье вороны
к созвездьям угасающим стремится.

* Тикаль – одно из крупнейших городищ майя, столица Мутульского царства. Расположено в провинции Эль-Петен Гватемалы. В центре города находятся шесть высоких ступенчатых пирамид с храмами на вершинах, четыре из которых использовались майя для точного расчёта времени и астрономических наблюдений. Был оставлен жителями в X веке н. э. вследствие экологической катастрофы.

Илана Городисская

РОДСТВЕННАЯ ДУША

Многие из нас, особенно те, кто еще не встретили свою вторую половинку, заняты поисками своей родственной души. Они ожидают ее, как чуда, молятся о ней, отсеивают претендентов, способных занять ее место. По своему мнению, они не могут развиваться и быть счастливыми без присутствия рядом родственной души. Хотя, на первый взгляд, жизни таких людей полны и упорядочены, внутри они ощущают себя одинокими и пустыми. Им не хватает родственной души. Если таковой нет в реальности, то, по крайней мере, остается мечта о ней.

Дело в том, что, как правило, мы просто не знаем настоящего значения термина «родственная душа». Мы не имеем представления – что это такое. Средства массовой информации и торговые сети превратили это понятие в бренд. Красиво оформленные открытки, подарки лучшему другу или подруге, любимому супругу или супруге, брелки, шоколадки, подушки в форме сердец и прочие аксессуары – все, без исключения, отвечают нашим общим пожеланиям в адрес тех, кого мы считаем своими родственными душами, без которых не можем существовать. Я предполагаю, что у каждого из нас есть или была хотя бы одна такая.

Будем же честны перед собою! Тот, кого мы ищем, – это достойный и преданный нам спутник жизни, душевный друг и родитель для наших детей. Особенно, если речь о романтике, хотя и в других видах взаимоотношений, например, дружбе или деловом партнерстве, также есть этот поиск. В большинстве случаев, рано или поздно, такой человек находится.

Иногда наши поиски никогда не прекращаются. Некоторые то и дело меняют своих партнеров, будучи уверенными, что другие будут более подходящими. Но совершенно очевидно, что ничего общего между этой «находкой» и «родственной душой» нет.

«Родственная душа» – это кармический термин. Он означает живое существо, к которому мы испытываем подсознательное влечение, идущее из прошлых жизней, и вспыхивающее с новой силой при встрече в настоящем. Это может быть кто угодно, не только романтический партнер или друг, но и родственник, учитель, ученик, начальник, подчиненный, и другие люди. Звучит немного натянуто, но даже животное или растение могут попасть в эту категорию. Да, у родственных душ, приходящих к нам, много разных личин.

У вышеупомянутой встречи есть несколько особенностей, ограничений и последствий, которые мы должны уяснить для себя перед стартом захватывающего совместного пути:

1. Такая встреча непредвиденна. Вожделенный щелчок, ощущение, что мы знакомы очень давно, просто никогда до сих пор не встречались, являются работой нашего подсознания. Только, когда мы достаточно созрели, и Вселенная решает, что срок настал, нам посылается родственная душа. Ни раньше и ни позже, а именно вовремя.

2. Наше слияние с родственной душой настолько спонтанно, что мы не даем себе возможности углубиться в эти отношения и задать себе вопрос: подходят ли они нам. Мы просто втягиваемся в них и проживаем их всем своим существом.

3. Отношения с нашей родственной душой никогда не являются обычной связью, а испытанием и уроком. Всегда. Знаете анекдот: «Как вы познакомились с вашим мужем? – Он сжег меня на костре в 1632 году, и я поклялась найти его и

отомстить»? Если очистить этот анекдот от мрачной романтики, можно увидеть приблизительную картину отношений с родственной душой, включая наше личное или общее предназначение. Перечень наших кармических задач, уроков и целей может быть длинен, но важно понять, что какими бы они ни были: позитивными и созидающими, или сложными и разрушительными, они практически неизбежны и необходимы для нас.

4. Факт нашей встречи с родственной душой ничего не гарантирует. Это не всегда отношения на всю жизнь. Как правило, эти души уйдут из нашей жизни по истечении назначенного срока, если, конечно, мы прошли испытание. Только те, связь с которыми созидающа и положительна, могут задержаться дольше.

Люди, или живые существа, оставившие след в нашей жизни и преподавшие нам важный урок, навсегда пребудут в нашем сердце. Даже если отношения себя исчерпали, в глубине нашей души они все еще длятся, словно мы связаны с ушедшими незримой цепью. Самый лучший способ это проверить – попробовать построить новые отношения с кем-то другим, кто вызывает в нас более простые чувства: симпатию, расположение, интерес, солидарность, откровенность, свободу. Вероятно, новая связь будет для нас эмоционально тяжела, особенно в самом начале, так как родственная душа все еще подглядывает за нами, зовет нас откуда-то изнутри, тянет назад и заставляет проводить несправедливое сравнение между ней и новым партнером. Опять же, это происходит в подсознании, не наяву.

Некоторые из нас способны тянуться к своей родственной душе всю жизнь, до самой кончины, даже если связь была короткой и давней. Лучший пример такой связи показан в

фильме «Хатико – настоящий друг» с участием Ричарда Гира. Кажется, нет никого, кто бы не смотрел этот фильм. Напомню вкратце: это картина о необычной дружбе между профессором музыки и псом, которого он приютил. Этот пес ежедневно встречал своего хозяина на вокзале после работы, и продолжал ждать его там даже после внезапной смерти профессора, до своего последнего дня. Несомненно, отношения пса и его хозяина были особенными, но тут есть что-то еще. Благодаря профессору, жизнь Хатико (пса) приобрела значение, пусть и трагическое. Из-за того, что он ощущал это значение всеми фибрами своей собачьей души, ему так и не удалось освободиться от профессора и прибиться к другим хозяевам.

Сложность отпустить нашу родственную душу совершенно понятна, не только в земном, но и в энергетическом аспекте. Не стоит забывать, что речь о карме. Карма связана с перевоплощением душ. Вероятность нашей встречи с той же душой в новом воплощении, если мы не заучили ее урока и не выполнили поставленную ею нам задачу, очень высока. Сколько из нас на самом деле осознают эти нюансы? Может, те, кто занимаются эзотерикой или нетрадиционной медициной. Обыватели же мечутся между материальными потребностями и мгновенными удовольствиями. Время, силы и ресурсы, необходимые нам для самопознания, равны нулю. Поэтому кармические круги у таких людей почти никогда не замыкаются.

И все же есть способы справляться с потерей родственной души. Об одном из них говорил еще старик Фрейд: сублимация. Вместо того, чтоб копаться в себе и насильственно разрубать связь, можно перевести ее во что-то новое, творческое и долговечное, и таким образом проявить наши способности.

Другой способ – это сухой и рациональный анализ бывших отношений, желательно со специалистом. Самый трудный, но и самый быстрый способ – это возобновить связь, если это возможно, но быть уже внимательней и хладнокровней. В большинстве случаев второй шанс, данный нами родственной душе, застопорится, и даже причинит нам еще больше боли, но зато мы будем уверенны и честны с собой, что никогда больше не будем вместе. Как писал Александр Пенн: «Что повторится, то иным не станет».

Чтобы не выглядеть слишком категоричной, признаюсь по собственному опыту, что встреча с родственной душой происходит еще и во благо. После нее мы меняемся до неузнаваемости, обогащаемся и приобретаем новый смысл для нашего существования. К тому же, как я говорила, есть созидательные для нас родственные души, которые будут сопровождать нас долго и удачно. Их меньше, но они есть. То, что важно, это распознать их в самом начале и прилепиться к ним. И тогда наш поход в магазин за подарком нашему самому-самому лучшему другу или партнеру будет на все сто процентов оправдан.

Марина Ламбертц-Симонова

НАЧАЛО ОКТЯБРЯ

От октября еще не много толку:
Не подложил он никому свинью,
И не заставил зубы класть на полку,
Ненужные для скромного меню:
Картошечки с укропом и грибами,
Из леса, где еще живут цветы,
А нас дожди не сделали рабами,
Загнав всех поголовно под зонты.
Еще вокруг тепло, светло и тихо,
А непогоды риск ничтожно мал,
И неизвестно нам почем фунт лиха,
И ветер дров пока не наломал.
И не залез он нам под юбки даже,
Не заморозил до мозга костей,
Ну, словом, он врагов себе не нажил,
Начавшийся с хороших новостей
Про солнышко, спешащее на небо,
Еще без всяких темных, мрачных туч,
Про урожаи яблок, слив и хлеба,
Про то, что к Счастью существует ключ –
Такие золотые объявленья
Висят на кленах, на ветвях берез!
Читайте их как радости знаменье,
А вот печальным – сыпьте соль на хвост.
Не верьте, если новость эта злая
Страшит, как коршун над землей паря!
А я, вам мира от души желая,
Вас поздравляю с Первым Октября!

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ОСЕНИ

Последний день осенний некрасив:
Он неказистый, низкого росточка,
Уже почти совсем он обесточен,
На сдачу обречен вот-вот в архив.

Он, вижу, выдыхается уже,
Из сил последних держится за ветки,
И ежатся деревья в неглиже,
А мокрый снег выходит на разведку.

И послан он сюда совсем не зря
В обличье снежном или в виде града.
Не сладко быть Тридцатым Ноября,
Быть для зимы последней баррикадой.

Часы бедняги точно сочтены,
Уходит он неотвратимо в вечность...
А что, если проявим человечность,
Ведь нам не пить с лица его воды.

Он убелен сединами и стар,
Ему присуща траурная мрачность,
Но на губах я чувствую… пожар,
А на душе – безудержную радость.

Пусть в город ветер рвется напролом,
И листьев тучи нам навстречу мчатся,
Но как же нам уютно под зонтом
С тобой, любимый, нынче целоваться!

ЛЮБВИ ВСЕГДА ЧЕГО-ТО НЕ ХВАТАЕТ

Любви всегда чего-то не хватает,
Она боится, что вот-вот растает,
Коль места не найдет себе в раю.
Но вот достался садик ей в краю,
Где вечно все цветет, не увядая,
Но стало недостаточно ей рая –
Он слишком тесен, так наивно мал!
И у Любви уже момент настал,
Когда стремится обладать всем небом!
Но получить на это право где бы?
И как его скорей завоевать?
Ведь у влюбленных лишь одна кровать –
Совсем простая и стоит за шкафом...
Союз их не поддерживает папа,
Считает мама, что им слишком рано...
А что Любовь? В условиях, ей данных,
Она влюбленным радостно внушает:
«Ничто так мир, так жизнь не украшает,
Не придает чудесней красоты ей!
Не грех и Чувства – ведь они святые!
Но не в погоне за насущным хлебом –
Во мне найдете вы и рай, и небо,
В совместном – в ногу – радостном пути!
Кто ищет, тот не может не найти!»
Дай бог иметь Любовь и папе с мамой!
Как жаль об этом в школьной нет программе,
Никто не учит Алфавиту чувств!
А что Любовь? Ей свойственна и грусть,
И Радость, что не даст пропасть ей.
А тот, кто ищет, тот найдет в ней Счастье!

ПУТЬ ЛЮБВИ

Любовь все ищут! Этим мир весь занят!
Не зря всех страны дальние так манят,
На родине ее кто не нашел.
Из-за нее и войны, и раскол,
Семейно-производственные драмы...
Все ищут Кавалера или Даму,
Чтоб лишь в Любви зачать себе Младенца,
Забыв, что Путь Любви: От Сердца – к Сердцу
Идет меж Теми, полюбить Кто Хочет,
Он Прям, и нет того пути… Короче!

ДА БУДЕТ ДЕНЬ НАШ НОВЫЙ НЕВРЕДИМ!

Порой мы с вами на краю стоим...
Но жизнь за счастье нас бороться учит.
Ведь, если мы позиции сдадим,
От этого нам разве станет лучше?

Куда верней нащупать под ногой
и на краю – незыблемую почву,
А дальше будем… «хвост держать трубой»,
В себя поверив, справимся мы точно!

И будет день наш новый невредим!
И хоть и потрудиться нам придётся,
Уверена: мы с вами победим!
И нам за это Счастье улыбнётся!

КОЛЬ СУЩЕСТВУЕШЬ ТЫ, О БОЖЕ

Боже, если ты есть! Спаси мою душу.
Если она есть.

Вольтер

Коль существуешь ты, о Боже,
(Ты за сомнения прости!)
То ты наверняка поможешь
Побольше душ людских спасти!

Смягчить их, сделать их добрее,
Очистить и Зажечь в них свет,
Вселить в тех души поскорее,
В которых их пока что нет.

И от того их зависть гложет,
Тела их заполняет гной,
И вылезая вон из кожи,
Они идут на мир войной.

Вся та орда бездушных зомби,
Где каждый шкурник и вампир,
Что руки-крюки тянет к бомбе,
Желая уничтожить мир.

Так отвратительны их рожи,
И дыры вместо душ внутри,
И коль не справишься ты, Боже!
Тогда ты, Черт, их побери!

ФОКУСИМА

(Песня)

Мы вечные странники ветром гонимы,
Хотим мы Чернобыль забыть, Фокусиму,
И мы уезжаем из дома подальше
От лжи, лицемерия, хамства и фальши.

Припев:
Уедем, уедем от войн и трагедий,
С надеждою скрыться от них за границу –
От душного смога, от атомных станций,
Ведь даже на родине мы… иностранцы…

На волю, на волю! Скорее на волю!
Мы быстро прощаемся с лесом и полем,
Как выгорел лес, пересохла земля!
И жить начинать нам придётся с нуля!

Прощаясь, глядимся в родные озёра
И видим… себя в ореоле… позора!
Как в зеркало смотримся, в мёртвые реки...
Ах, что же наделали мы… человеки?

Как в зеркало, мы заглянули в моря,
Что там увидали? Узнали… себя!
Своё отражение в мутной воде:
Мы вы нефти разливах, мы – всюду, везде!

Мы тщетно объездили разные страны,
Повсюду земля в кровоточащих ранах,
В Израиле, в Германии,
В Чили, в Китае –

Повсюду земля абсолютно пустая.
Мы ездили долго по белому свету
И видели только больную планету,
Всю в атомных взрывах и в рёве снарядов…
Ну что ж мы наделали?
Так нам и надо!

Теперь мы хотели не зрелищ, а пищи,
Но всюду встречались одни пепелища,
И там средь разливов бензина и нефти
Молили о помощи наши же… дети.

С отчаяньем смотрели в небесные дали:
Ну что там? Ну что там?
И космос… отравлен!
И спутник не вывести нам на орбиту –
Увы, даже в космос дорога закрыта!

С последней надеждой мы бросились к Богу:
«Отец, не гневись! Укажи нам дорогу!
Ни леса, ни поля уже нет в помине!
Вот-вот мы окажемся в жалкой пустыне!

Прости нас, что… дьявол владел долго нами,
Вот-вот нас проглотит бесследно Цунами,
Грехи отпусти, ведь попутал нас… Бес!
Мы всё потеряли: и речку, и лес!

Мы богу молились, и плача, и каясь,
И бог нам ответил уже… задыхаясь:
«Я ваше раскаянье, люди, приму,
Но… рай, к сожалению, в адском… дыму…»

Уедем, уедем от войн и трагедий,
С надеждою скрыться от них за границу –
От душного смога, от атомных станций,
Ведь даже на родине мы… иностранцы…

ЦИКЛ СТИХОТВОРЕНИЙ «МАНТРЫ»

МАНТРА АУМ

Столкнувшись с неприятностями лбами,
Проигрывая с трудностями битвы,
Мы вновь и вновь спешим к богам с мольбами,
Возносим к небу просьбы и молитвы.

Судьбе-злодейке покоряясь немо,
Ждем, что Всевышний верный путь укажет,
Собственноручно разрешить проблемы
Мы не желаем попытаться даже.

Нам кажется, что так к развязке ближе,
Когда мы не противимся насилью.
И хоть беда уже нам пятки лижет,
Мы словно упиваемся бессильем.

Бежим мы в церкви, крестимся с азартом.
Вместо решенья взяться впрямь за ум,
С надеждой снова повторяем мантру,
Сакральный этот звук: «Аум…»! «Аум…»!

МАНТРА ОМ

Вот мы опять над буднями зависли,
И гложут нас депрессия и страх,
Мешает нам и мусор в наших мыслях,
Сумятица в поступках и делах.

И вроде нету видимой причины
К тому, чтоб заедала так тоска,
Порой бессильна тут и медицина
Нам выход указать из тупика.

Конец туннеля не нащупать взглядом,
Где снова мы увидим яркий свет,
Но наше Счастье ждет нас где-то рядом,
А где оно – пока большой секрет.

И может, стоит прекратить бояться,
Почаще повторяя – день за днем –
Одну из мантр во время медитаций
С таинственно прекрасным звуком: «Ом»!

Ведь человек же – не бездушный овощ,
И если жаждет истину найти,
То мантра «Ом» ему окажет помощь,
Чтоб вновь покой и радость обрести!

МЕДИТАЦИЯ

Удобней сесть, расслабиться спокойно,
Закрыть на миг усталые глаза,
Забыв про нестихающие войны,
Про то, что где-то буря, шторм, гроза.

И мысли отключая постепенно,
Сознание заставив замолчать,
Вдруг ощутить дыхание Вселенной
И Вечности незримую печать.

«Аум…» – шептать, да так – душа чтоб пела!
Лишь собственного сердца слыша стук,
И чтобы всеми клеточками тела
Прочувствовать священный этот звук! –

И петь его все более усердно,
И ощущеньем новым дорожить,
Что бесконечны мы, что мы – бессмертны,
Что наконец-то нам комфортно жить!

И в ритме этих радостных вибраций
Нас не оставит больше оптимизм,
И нам все легче будет удаваться
Проект наш главный: Собственная Жизнь!

ВЕРА

Сакральный звук, звук крепости и силы,
Молитв известных популярней всех,
В гармонии с ним жить нас жизнь учила,
Давая больше шансов на успех.
Богов всесильных Шиву, Брахму, Вишну –
Всех трех он призван олицетворять,
И человек не будет в мире лишним,
Звук научившись этот повторять,
Начало давший некогда Вселенной,
Вибрацией ее растормошив –
Так грандиозно и проникновенно!
Но Человек не только верой жив
В наследье Веды и в ее ученье,
О трудности коленки расшибя,
Он чаще должен придавать значенье
Особой Вере – в самого себя!

СОСНОВЫЙ ВОЗДУХ

Мальчик был болен. Тяжело болен. А главное – безнадежно… Так родителям сказали врачи, которые лечили ребёнка, испробовав все возможные, имеющиеся у них в арсенале средства, так и не давшие эффекта.

Всего через несколько месяцев мир должен был вступить в 1930 год, но уже без этого голубоглазого мальчика с густой копной тёмных волос, которые беспомощно разметались сейчас по подушке...

– Мишенька, прошу, не покидай нас! – зарыдала в голос измученная бессонными ночами молодая женщина с красивым, но белым как бумага лицом и круглым животом, из которого только, казалось, и состояло ее очень худое тело.

– Я умоляю тебя, Мишенька! – И она опустившись на колени перед железной кроваткой, на которой лежал, тяжело дыша, ее сын, стала покрывать поцелуями почти безжизненную тонкую шейку и прозрачное личико ребенка.

Мальчик вздрогнул, по его телу прошла легкая судорога, и он приоткрыл глаза, медленным, невидящим взглядом как бы обводя близких, и остановил его на потолке, словно ища небо...

– Не умирай, ну, пожалуйста, не умирай, прошу тебя, миленький братик! – заплакала старшая сестра – первенец Леона и Доры, десятилетняя Беллочка, которой уже довелось проводить в последний путь недавно умерших – одна за другой, двух младшеньких сестрёнок…

Время было тяжелое, голодное, неуютное. Отец, Леон, был ещё совсем молодым мужчиной, обладавшим многими талантами, но ему с трудом удавалось перебиваться случайными заработками, хватаясь за любую работу, чтобы хоть как-то про-

кормить растущую семью. А тут ещё Мишенька простудился и заболел – двухсторонняя пневмония, как сказали врачи.

Ребёнка продержали в больнице с этим диагнозом, да видя, как молодые родители убиваются над сыном, тающим на глазах с каждым днем, сочли его состояние безнадежным и отпустили домой... умирать...

Миша метался в жару, а когда жар спадал, обливался потом – да так, что ему не успевали менять простыни и рубашки… На бледном, измученном личике мальчика остались только глаза, которые Миша снова закрыл, и задышал еще тяжелее…

Мать взметнула руки вверх и закричала:

– Ну за что же, Боже? За что ты опять отбираешь у нас ребёнка? Возьми меня! Возьми, молю! Я не хочу жить без Мишенька, моего любимого, моего золотого мальчика!

Все трое стояли в это время на коленках у постели ребенка, грудь которого ещё чаще вздымалась то вверх, то опускалась вниз, и он судорожно глотал воздух сухими, искусанными в кровь, голубоватыми губами...

Окна в комнатке их коммуналки на Гороховой улице были открыты нараспашку, но погода была безветренной, и в комнату проникал лишь воздух, напитанный гарью да жалким ароматом постных щей, которые варили соседи сверху и снизу...

– Ну все! С меня довольно! – сказал Леон и решительно поднялся с коленей. – Где у нас большое байковое одеяло, Дора?

– О чем ты? – Подняла на него белое, бескровное лицо Дора. – Ты спятил? У тебя сын... умирает, а ты… Вот так же и тогда, когда наши девочки... – И она разрыдалась в голос, да

так, что в дверь постучали, и в проеме двери, не дожидаясь ответа, показались взъерошенные головы соседей.

– Что уже все? Отмучился! Царство ему небесное!

– Такой хороший, послушный мальчик был!

– Эй, вы, а ну-ка уходите! Нечего ребенка заживо хоронить! Раскаркались тут, как вороны! Миша жив и будет жить! Вот увидите! Да, вы увидите, клянусь! – И он зло потянул на себя дверь, едва не прищемив нос одной из любопытных соседок. Потом распахнул шкаф и, вывалив оттуда стопы вещей, выдернул из-под них большое зелёное одеяло. Он решительно подошёл с ним к тахте. – А ну цыц, плаксы! Одевайся скорее, Дора! Мы едем! А ты, Беллочка, белье брату поменяй, договорились?

Через несколько минут Миша, запелёнатый в огромное одеяло почти как младенец, лежал на руках у отца.

Мише было 7 лет, но он так исхудал, живя на больничных уколах, в муках неизлечимой тогда болезни (антибиотиков ведь еще не было и в помине), что казался невесомым, особенно в больших и мускулистых руках отца.

Рыдания Доры не прекращались даже, когда она, как в бреду, натягивала на себя огромную, вытянутую в результате многих стирок, кофту, вставляла ноги в ботинки, перепутав правый и левый… И только старшенькая, умница и лучшая помощница в доме, Беллочка, помогла разобраться и зашнуровать эту видавшую виды обувь на ногах матери…

Через полчаса они уже сидели в поезде, который с ревом и стоном, выпуская клубы пара, вёз их с Финляндского вокзала за пределы Ленинграда.

В этот осенний день людей, желающих ехать, было немного, но и те расступились при входе в вагон, испугавшись вида Леона, который в этот момент был похож на боксера, вы-

ходящего на последний поединок, причем – с такой неукротимой решительностью, словно не оставалось другого выбора, как победить в борьбе не на жизнь, а на смерть...

Любопытные зеваки пытались разглядеть издали синюшное лицо ребёнка, который был бы более похож на неживого, если бы не тяжелое дыхание, разрывающее души невольных свидетелей.

Через десяток остановок Леон решительно поднялся со скамейки, прижимая к себе закутанного в одеяло мальчика и словно не замечая Дору, безжизненно висевшую на его руке… Так он и спрыгнул с ними, двумя с подножки поезда, который, как тяжело больной зверь – со свистом и стоном – двинулся дальше, устилая платформу облаком пара…

Перед ними был лес, который тут же расступился, представив узкую тропинку, словно уже давно ждал их, приготовив свой самый сильный, настоянный на сосновых иголках, аромат. Наверное, именно от этого густого терпкого воздуха у Леона вдруг сильно закружилась голова, и они с Дорой оба, шатаясь как пьяные, с трудом добрели до маленькой полянки, окруженной огромными соснами и маленькими сосенками-малолетками.

– Здесь! – повелительно произнес Леон, как будто уже не раз бывал в этом роскошном сосновом лесу.

Он осторожно развернул закутанного в одеяло Мишу и расстелил это одеяло на земле, положив на него сына и вынуждая присесть рядом Дору, окаменевшую от горя и держащуюся за живот обеими руками так, словно это был мяч, который вот-вот выкатится из ее слабеющего тела…

Была осень, и с утра казалось, что она непременно должна расплакаться, почти так же неудержимо, как делала это все последние дни Дора… Но Леон знал, абсолютно твердо знал –

всем своим сознанием и подсознательным опытом едва перешагнувшей через третий десяток жизни, что будет... вот-вот будет снова тепло и солнечно.

И послушная осень, словно почувствовала своей мятущейся душой, что сопротивление бесполезно, и этот сильный человек-боксёр, борец не на ринге, а в жизни, не потерпит неповиновения. И эта самая, с утра еще весьма хмурая старуха-Осень, вдруг приосанилась, расправила плечи, стряхнув надвигающиеся тучи, и хитро подмигнула солнцу.

А солнце не заставило себя ждать, увидев внизу эту «святую троицу», одновременно воздевшую к нему свои заплаканные чистые глаза, в которых оно, мудрое, видавшее виды Светило, прочитало мольбу… И почти неправдоподобно яркий луч, осторожно спустившись на землю, приблизился вплотную к к мальчику и удивленно уставился на него.

И Леон, не веря своим глазам увидел, как бледный ребенок с почти восковым лицом, в точности, как рыба, которую вытащили из воды: часто хватая ртом воздух, сделал усилие, вытянул вперед худые ручонки и медленно, очень медленно сел, а по его изможденному болезнью личику скользнуло подобие улыбки…

Мама Дора ничего не могла понять, ей казалось, что она спит где-то в раю и видит чудный сон… И только солнечный лучик, хитро улыбаясь, двигался по зелёному одеялу, спрыгнув с личика ребёнка, которое только что щекотал, да так, что и мёртвый мог проснуться.

Мальчик посмотрел по сторонам чуть прищуренно, но не удивленно, а хитро, словно сам и дал указ привезти его именно сюда, в этот сосновый лес, где его слипающиеся было легкие, как по мановению волшебной палочки, раскрылись и задышали, послушно набирая нормальный объём…

Лицо мальчика стало розоветь на глазах, а какие-то удивительно яркие, не желающие увядать цветочки, растущие по соседству, закачали своими головками, призывая его полюбоваться ими сейчас, немедленно, покуда ещё не закончилась осень, и этот волшебный День, изменивший всю их жизнь, жизнь мальчика Миши и его семьи. Потому что он дал возможность этому удивительно упорному, сильному и смелому ребенку не только выжить тогда, в детстве, – к удивлению и врачей, и соседей, и всех знакомых, уже было заживо похоронивших маленького Мишу, но и прожить долгую, очень долгую и весомую жизнь до глубокой старости. Жизнь, не раз и не два, а сотни, а может, и тысячи раз наполненную опасностями на грани выживания, на волоске, на краю, но всегда спасаемую не только волей судьбы, а и его собственной, несгибаемой, переданной по наследству от отца Леона. От отца, который родив восьмерых детей, постоянно жил как на боксерском ринге: борясь за Победу – не на жизнь и на смерть, а только – на Жизнь, чтобы всегда выходить с «ринга» победителем, даже когда кажется, что нет шансов...

Он-то и передал Мише не только своё упорство и несгибаемость, но и новых братишек и сестрёнок, которых, как и мамочку Дору, уже сам выросший Миша защищал на проклятой, почти бесконечной войне, продираясь с винтовкой по сосновому лесу, но наполненному уже не только живительными фитонцидами, как тогда в детстве, но и злейшими, смертельно опасными врагами-финнами, союзниками немецких фашистов… Они хотели его уничтожить, как та смертельная болезнь, которая чуть не убила его в детстве, и гнались за ним по его еще теплому следу с немецкими овчарками, загнав в болотную трясину, но собаки потеряли след молодого, но

уже познавшего вкус и запах пороха, солдата-добровольца с винтовкой в руках…

И снова именно этот сосновый лес, со своим особым воздухом – воздухом победы, настоянном на хвое, слившийся в волшебном поцелуе с солнцем, заполнил как когда-то его больные лёгкие, его широкую грудь, обтянутую гимнастеркой, и дал ему недюжинную силу спастись и еще много раз спасать и свою, и чужие жизни.

Правда, когда война закончилась и Миша с победой вернулся в родной город, он так и не смог обнять своими сильными, как у отца Леона, руками любимую маму Дору, которая умерла в блокадном городе от голода или потому что их дом на Гороховой был уничтожен вражеской бомбой…

Но свою дочь, когда та не раз заболевала в детстве пневмонией, Михаил быстро излечивал с помощью мощного испытанного средства: он вопреки всем советам и плохим прогнозам врачей вывозил малышку в лес, на Карельский перешеек, и воздух, наполненный густым хвойным ароматом, чудодейственный сосновый воздух, как по мановению волшебной палочки, всегда исцелял девочку, наполнив ее необыкновенной жизненной силой, причем – и физической, и духовной на долгие, наполненные поэзией, любовью и романтикой годы…

Ольга Фокина

ЛЮБОВЬ СПАСАЕТ ЭТОТ МИР!

Как только солнце засияло,
И заглянул в окошко луч,
Бери любовь, что окрыляла, –
Она от счастья светлый ключ.
Бери, неси её другому
И по цепочке отдавай.
Любовь источником святого
Была и есть во все века.
Она наполнит верой, смыслом.
Она для каждого важна.
Не повлияют даты, числа.
Подвластна будет высота.
С любовью мы сюда приходим,
Любовью полнится наш мир.
С любовью цель свою находим
И дарим счастье всем другим.
Любовь – источник вдохновенья.
Она вокруг, она внутри.
Она в добре и всепрощенье.
Любовь спасает этот мир!

Эвелина Цегельник

СОЛОМОН, НЕЛЬЗЯ!

...С благодарностью Юле Мамчич,
золотых рук мастеру и меценату

Сижу в воскресенье, кофе пью. И вдруг про свою мечту вспомнила. Прямо *щас*. Немедленно. Всеохватно. «Сынок, – говорю, – сегодня выходной, времени другого нет, ищи кота по интернету, а то сколько без кота жить?!» Сын даже есть перестал. До этого момента ел, как не в себя, а тут хлоп и как обрезало. Ноутбук принёс, и понеслось.

Сфинксов в подборке не оказалось (сперва мне лысенького хотелось), зато материализовалось фото великолепной британской красотки. Такая пушистая *кинозвездень*. И мы зависли. С шерстью захотелось? Коты – меховые цветы? Нет. Просто так бывает. Ищешь по принципу хочу-не-знаю-что, и то, что больше приглянулось, покупаешь. Сначала приглянулось на «Авито». Потом решили посмотреть. Да так домой с котёнком и вернулись. Вот как накрыло.

Теперь по порядку. Приехали по адресу. Не скажу, что обдуманно. Ворвались с криками «Ой какой хорошенький!» в гостиную, сметая с пути слегка ошалевшую хозяйку Олю. А повод для бурной радости сидел перед нами, и был в меня влюблён, честное слово... без сомнения.

Со слов хозяйки чудесный плюшевый котёнок оказался девочкой и был уже забронирован: «вроде как сейчас за ней хотели приехать» (побоялась, если красивого возьмут, то некрасивый нафиг никому не нужен). Мы с сыном немножко порасстраивались. Кошечка мне сразу понравилась. Ещё на

«Авито». Ни дать ни взять плюшевая игрушка. Красоточка. Всё красивое: и носик, и ушки, и выразительно-зелёные глазки.

Хотели развернуться и бежать дальше, как вдруг Оля нырнула в комнату и со словами: «а это мальчик» – быстро вложила мне в руки какую-то серую несуразность. «Мальчик» сердито встопорщил шерсть и громко мявкнул. Мы заинтересованно посмотрели друг на друга, и моё сердце разбилось на тысячу мелких осколков. Я: «Ну, если сейчас приедут, давайте тогда мальчика». Сказала, как отрезала. Котенок, словно поняв, о чем речь, звонко мяукнул в ответ. И девушка облегчённо вздохнула.

Денег мы ей кучу отвалили, не торговались: сколько сказала, столько и заплатили. Но для жизни кота у нас ничего не было (Оля загибала пальцы: лоток, наполнитель, переноска, когтеточка, миски, корм…). Я помедлила и спросила: «А в чём мы его понесём?» Ольга вынесла картонную коробку с прорезанными отверстиями (две дырки для рук). Котейку поместили в коробку, и со словами: «Домой!» – понесли в новую жизнь.

Котёнок активно скрёб лапой стенку коробки: просился наружу. Мы в два горла уговаривали. Гладили коробку с двух сторон, по принципу как беременные гладят живот, чтоб дитя успокоилось, не толкалось, ножками не сучило.

До дома доехали, я в зоомагазин помчалась. Скупила полмагазина зоотоваров. Уже на выходе вспомнила про древесный наполнитель для лотка и горшок с зеленью. Пока на кассе рассчитывалась, лежанка приглянулась в виде маленького диванчика, взяла и её.

Принесли кошачье приданное домой. Распаковали купленные вещи. Расставили. Приготовились к жизни с котом. Как

только котейку из коробки высадили, он тут же нашёл себе укромное местечко и выходить из него явно не собирался. Поймать беглеца мгновенно не удалось – у котика реакция оказалась лучше, плюс молодость и здоровье – ушел от контакта…

Дали время прийти в себя. А пока придумали имя – Соломон.

Пару часиков Соломон попрятался, подумал там – «где мама и всё-такое». Затем из укрытия вышел, проследовал на середину комнаты и громко мявкнул.

Я понеслась наполнять миски едой. А сын выудил из недр комода веревочку, на конце которой привязал фантик, и у них началась самозабвенная игра. После еды котёнок позволил взять себя на руки, переместился таким образом на диван и сладко заснул. Мы, обступив кота, любовались его мультяшными лапками и наполнялись доверху ми-ми-ми. Ну а если в доме спит кот, значит, жизнь в доме налаживается.

Ночь прошла спокойно. На следующий день котёнок побегал по комнатам туда-сюда, повыбирал себе место. Но так и не определился (он и сейчас всё ещё в поиске). *Шилопопый*. Спустя какое-то время котейка полностью освоился в квартире и влюбил в себя всю семью.

Через два дня звонит Оля: «Как, Юля (Юля – это я), у вас прошла первая ночь?» Я в ответ: «Нормально всё у нас, просто отлично, котика все любят-целуют-наглядеться не могут». А Оля сразу про непутёвых хозяев, ну которые «девочку брать передумали, вернули обратно, и, если вам надо, то забирайте, вы ведь девочку хотели». Красотка у новых хозяев сильно плакала, прямо две ночи криком кричала, маму звала. Вот хозяева и отказались. Хотели живую игрушку для ребёнка, а котёнок ребёнку стал спать мешать. Ну о чём только люди

думали, всё-таки не игрушку, а живое существо в семью брали. А раз берёшь, осознанно должен понимать, что настроение у этого живого существа может постоянно меняться. Заботиться о нём надо и воспитывать как члена семьи…

Я слушала Олю и кивала головой. Понимала, что выговориться ей надо. Конечно, равнодушным людям нельзя заводить домашних питомцев. И кошечку мне очень жаль…

У нас же с самого начала всё клёво было. Котика все любят-целуют-кормят-играют. Я целый фотоотчёт бывшей хозяйке отправила, что Соломону живётся у нас лучше всех. У него есть мягкая лежанка, много игрушек и полная миска вкусной еды. Причём он не просто Соломон, а Царь Соломон. Царь всего дома, понимаете. Залюбленный и зацелованный по самую макушку! Меняться обратно – никогда в жизни. Оля в ответ такая: «Спасибо-спасибо, что любите, что фото шлёте, мы котят так любим».

А как Соломошу не любить? Деловой котик, умничка и молодец!!! Теперь лучшее время – когда мы с сыном садимся на серый диван в гостиной посмотреть какой-нибудь фильм, Соломон забирается между нами и мурчит от удовольствия, потому что мы его в четыре руки гладим.

Соломоша оказался котейкой сообразительным и послушным. Быстро понял «что такое хорошо, что такое плохо». Границы дозволенного определил. У двери меня как собачка встречает, о ноги трётся, норовит лизнуть. Только что хвостом не виляет. На кухню вместе заходим. Я к плите – готовить. А Соломон – на стул рядом с обеденным столом. Лежит, лапой скатёрку шевелит – кушать хочу – наблюдает за мной как обед готовлю. На стол обеденный не лезет. Знает, что попадёт. Только начинает голову над столом приподнимать (ну там проверить долго ли я ещё) – я сразу: «Нет!» – и

голова прежнее положение занимает. Отвернулась, слышу: Соломон лапами по столу елозит, достать из тарелки что-то пытается (сын Андрей тарелку на столе оставил). Я: «Ах, Соломон! Сколько раз тебе говорить, что брать со стола ничего нельзя. Ты что же такое делаешь!» Соломоша в ответ кивает, со мной соглашается, на стул ложится, вот так вот прижимается – всё, спрятался. Я отворачиваюсь и в отражение в *теле-ке* вижу, как кот опять высовывает голову и лапу к тарелке тянет. Пытается всеми силами «добыть» себе еду. Пушистый охотник.

А как чистоту любит! Ну это что-то! Как только по-большому в лоток сходит, сразу бежит народ звать: «Эй! Кто там есть в доме – быстро всё уберите!» И если сразу же на его призыв никто не пришёл, Соломоша, как собачка, берёт совок зубами, тащит к лотку и кладёт с ним рядом. Короче, я угораю. Не кот, а *котопёс* какой-то. Ну не надо ему, чтобы в лотке что-то лежало, и всё. Там пописать – ещё куда ни шло. Терпимо. Но если по-большому сходит, срочно надо, чтобы кто-то убрал. Увидел, как я это изначально быстро сделала, и всё, теперь он даже минуты грязный лоток не переносит – мяауууууу!!!! Выходит из лотка, включает сирену: «Быстро ко мне убирать! Потому что как я потом туда опять пойду?! Чтоб сейчас же ничего там не было! Вообще!» Ну очень чистоплотный кот. Царь Соломон.

Котопёс наш безумно счастлив уже от того, что может находиться рядом с нами. Сын, ради хохмы, обучил Соломона собачьим командам: «Дай лапу!», «Сидеть, Соломон!», «Лежать, Соломон!», «Соломон, нельзя!». Маленький сообразительный шматок счастья.

Я рада, что мы его так спонтанно купили. Потому что чудо природы: классный и самостоятельный! А ещё позволяет

себя гладить. Даром. И приходит перед сном помурчать… И всегда терпит, пока я стригу ему когти.

На улице гуляем – не убегает. На поводке, что собачка, неотлучно ходит. Остановится – с камешками поиграет, дикую травку пощиплет, солнышку порадуется. Скажешь ему: «Пошли, Соломоша, домой» – разворачивается и к дому послушно идёт.

С работы теперь вприпрыжку мчусь. Предвкушаю встречу. Знаю, что будет всеохватный восторг. Мне еще никто так не радовался. Домашняя фигня теперь вообще *не парит*. Какая стирка? Какая глажка? Сперва надо кота за ухом почесать, затем туда-сюда по гибкой спинке и пощекотать у хвоста. И усталость вмиг улетучивается! Вместо неё огромный пушистый ковер. И там, в самой гуще ковра, – любимая фигурка кота с сияющими, счастливыми глазами. Они красноречивее всяких слов.

Вот как бывает, заведёт человек кота, и всё внутри меняется! Потому что сразу попадает в мощнейшую гармонию с мурчащими энергетическими потоками.

У меня много подруг без котов. И я заметила – злые они. Начинают такие *безкошницы* делать мне больно (раньше-то я не знала – почему они так поступают, а теперь понимаю, что без кота им никогда другими не стать), а я на их злопыхательство не отвечаю, потому что энергетически уже в другом измерении. А подруги не могут понять – почему я не истерю в ответ. Да просто пространство жизни у меня поменялось, в нём теперь больше кота, чем подруг. Осознанно светлой стороны держусь. Мне в этом Соломон помогает. Так что, подруги, захотите на позитив настроиться, дам кота подержать.

Я Соломошу ни за что ни на какого сфинкса не променяю. Подруга Лиза про своего сфинкса все ужи прожужжала. И

ест он у неё корм только определённой марки. И только влажный. И если вдруг корм заканчивается, то кот объявляет грустную голодовку. И Лиза бросает работу, и носится-ищет тот корм по всей Москве. Ещё на дачу сфинксу нельзя: прямых солнечных лучей не переносит.

Я такой маяты не хочу. Поэтому влажный корм мешаю с сухим, и такую смесь даю Соломоше два раза в день, ну и плюс (пока маленький) ложку творожка, ложку сметанки. Готовлю индейку с картошкой – оттуда даю немножко. Рыбка паровая поспела – опять Соломошке отщипываю. И Соломоша всё это радостно ест.

Вот только, не к столу будет сказано, которую неделю маюсь, никак не могу решить: кастрировать Соломона или нет?! У соседа некастрированный *сиам* на стены ссыт и орёт благим матом. Терпение у соседа кончилось, он коту хвост отрубил. Вот и я записала кота на сдачу анализов. Но тут соседка Софа в гости зашла, и планы мои изменились. Софа мне хорошенечко про влияние наркоза на печень и почки *втёрла*, и что формирование скелета у кота после кастрации прекращается: в большого, мол, никогда не вырастет, а мышцы атрофируются. Да и помереть от самого наркоза может.

У Софы мейкун с полным «боекомплектом» восьмой год живёт. А мейкун – это же пума настоящая или средних размеров тигр. Так вот, в период гона Софа ему мохнатую подушку подкладывает. Кот подушку помнёт и доволен.

Я, конечно, начисто от идеи кастрации не отказалась, но решила всё же повременить: мохнатых подушек в доме предостаточно. Да и Соломон пока открыто женским полом не интересуется. Он даже с личным спальным местом до сих пор не определился. Домики кошачьи не жалует, предпочитает спать на виду. И если приходят в дом приятные гости – даёт

себя гладить, хотя особенно не ласкается. А если приходят неприятные ему гости (шумные, курящие), может нажраться свежей травы, выйти на середину комнаты и поблевать громко и выразительно. А потом отправляется вздремнуть куда-нибудь в самое отдалённое место квартиры. И попробуйте его там только тронуть. Против вас будут выдвинуты вооруженные когти и зубы, боевой мяв и горящие гляделки из тьмы. А когда гости ему надоедают, он начинает специально толкаться у них в ногах, мол, пора домой.

Соломон давно наши роли в семье распределил. Я мать-кормилица, а сын Андрюша – хозяин (потому что играет с котом и лоток вовремя чистит). Соломон сына сквозь стены видит. Сын только в подъезд заходит, а Соломон уже у дверей сигналит: «Уыыыаааиииияя! Открывай быстрей! Не слышишь, мама, что ли?»

Сынок с раннего детства аккуратист. Домой придёт, обувь снимает, сразу в ванную – ручки мыть. Потом чистыми руками рубашку расстегивает и в гардероб на плечики вешает. Если после тренировки – спортивную форму в стиралку несёт. А пока барабан крутится, кроссовки щёткой чистит. Снова моет руки, переодевается в домашнее и идёт на кухню – обедать там или ужинать… Ну это пока кота в доме не было.

А сейчас, знаете, как сын приходит? Замком щелкнул. На себя дверную ручку рванул. И понеслось… Один рукав с куртки снят, другой ещё на тебе, ты лежишь там на полу, третьей рукой гладишь кота, и так полчаса обнимаешься-играешь на пороге с котом, всё это время не можешь ни куртку, ни обувь снять, потому что невозможно от такого милого котёнка отойти, ведь он такой прикольный. Ещё бы: встаёт на дыбки, и так на задних лапах вокруг тебя ходит, пританцовывает от счастья.

А как вдоволь у порога наобнимаются, дурачиться начинают: сын садит кота на спортивную сумку и движением игрока в боулинг запускает по полу, сумка с котом скользит через коридор и гостиную и шумно врезается в стену. Кот в восторге запрыгивает на штору или бежит разносить кухню. А сын тем временем уже удочку с мышкой на леске достал, по дому оба носятся – конский топот стоит.

Под вечер у Соломоши (как у деток перед сном) *бесилово* начинается – гоняет на шестой скорости из комнаты в комнату (свои детские *капризки* демонстрирует). Пока не вперится с разбегу головой в какую-нибудь вазу «ууаа-ааа!» или «ты-гыдык-тык-тык» головой об диван: это он так тормозит.

Надо отдать должное, когтями своими Соломон пользуется очень аккуратно. Ни у меня, ни у сына нет царапок ни на руках, ни на ногах. И погрызенных-испорченных вещей тоже нет. Соломоша может там пяточку слегка куснуть или ухватить за пальчик. Но скажешь – больно – сразу отпускает. Бывает, два раза сказать нужно, потому что ему так сильно играть хочется (и Соломон делает вид, что не расслышал). Я опять: «Аааяяяй, Соломон, вот что ты делаешь!» Всё. Мигом отпускает. Паинька, не кот.

За котом в доме убирают все (а то бывает, когда из лотка выходит, наполнитель с лапок на пол сыпется). Знают – посещать грязный лоток он не намерен. Я никого специально не наставляла, мол, быстро убирайте за ним сами! У нас в семье никакого прессинга. Всё демократично: «Ой, мам, я сегодня за котом убрался, пропылесосил возле туалета». И муж мимоходом: «Дорогая, я обновил лоток». Я в ответ: «Ну да, чтоб коту было удобно». И всё. Ну я, конечно, тоже смотрю, если где-то соринки образовались – пошла убралась. Ну а такого *прям*: «Вы достали меня со своим котом, убирайте сами, по-

чему я должна приходить с работы и мыть» – нету… Потому что даже всё это в удовольствие. Ну сколько там того кота – котёнок – много ли за ним уберёшь? А то люди сначала хотят кота, а потом начинается – за ним оказывается ещё и убирать надо! Это такой бред, честное слово. Секундное дело – взял влажную тряпку и вытер. И для фигуры полезно лишний раз нагнуться. Стройнее будет.

А кот нам каждый день повод для веселья подкидывает.

Вот решил как-то муж романтический сюрприз сделать. Полную ванну воды набрал, лепестками роз усыпал, на дно кольцо кинул. Соломон за процессом внимательно наблюдал (думал: игра такая). И как только муж кольцо в воду бросил – сразу на дно нырнул (посмотреть что там такое). Весь сюрприз мужу испортил. До слез смеялись.

Баловство одно у Соломона на уме. Особенно забавно наблюдать, как Соломон с птицами разговаривает. Лежит на подоконнике и: «Ммр-мр-мр-мрррр!!!» Такая *ржака*. Я: «Ты у меня кот-говорун, Соломон. Дай мне, пожалуйста, какой-нибудь словарик, я с тобой общаться буду, не могу без перевода понять о чём говоришь». Нет сомнений, что Соломон осознаёт мою речь и на своём кошачьем языке мне отвечает. Иногда даже что-то членораздельное выходит: «Ну мяу, мама, ну мяу, мя-ав». Я на кухне что-то делаю, через плечо кину: «Соломош, иди молочко пить!» Приходит: «Мяв-мяв, мяа-ааай». В лотке наполнитель со всей дури копает. Я: «Аккуратней, Соломон, лапой в лотке загребай!» И он сразу само старанье, ни крупинки наполнителя на пол не просыплет. Поласкаться позову: «Иди сюда, Соломош!» – на мягких лапах ко мне подходит и когтями так осторожно по ноге проводит, мол, всё, мама, я уже здесь. Сидит-ждёт, когда, наконец, похвалю его и поглажу. А если крикну: «Пошли гулять, Соломон!» – к

входной двери летит со скоростью звука. Как такое вообще возможно?

А тут однажды в квартиру ворвалась огромная (невесть откуда взявшаяся на 15 этаже) муха. Влетела через входную дверь. Видимо, её открыл порыв ветра. Соломон мгновенно соскочил с любимого дивана. Глаза его заблестели каким-то сумасшедшим блеском, и он пустился в такие кульбиты, что в доме полетело всё, что только можно сдвинуть. Несколько раз Соломон был близок к цели. Но муха отказывалась капитулировать и делала свои стремительные виражи так, что казалось, будто нарочно издевается над бедным Соломоном. После длительной битвы, в которой мухе так и не был нанесен ни один сокрушительный удар лапой, она совершенно наглым образом вылетела обратно через входную дверь. Нет, это он её выгнал. *Ва-а-ще* герой. Выражение его довольной мордахи было бесподобно!

И снова прикол. Пока нас дома не было, кот попытался залезть на стол, на котором кто-то кое-чего оставил (фрукты в тарелке). Как говорится: вижу цель, не вижу препятствий. И ведь залез! Потому что на всех мандаринах были *надкуськи*. Надкусил все! Мандаринки оказались несъедобными. Зато наигрался. То есть, когда мы дома, – на стол не лезет. А тут что-то нормальное на столе оставили… Но он же это пропустить не может, ему ж непременно надо обследовать что там хозяева на столе без присмотра оставили. И вот он такой – лапой поддевает, на зуб пробует. Мы смеёмся, а кот обиженно: «Жадины! Делитесь едой, раз уж взяли меня в дом!»

А как смешно Соломон еду в пол закапывает! Лапами изо всех сил по плитке скребёт. И на нас исподлобья поглядывает, чтоб ненароком не откопали.

Здорово, что Соломон в нашу семью попал. Или мы к нему. Потому что с ним мы познали дзен, и негатива в доме больше не стало. Вообще никто не ругается. Потому что Соломон любит в тиши полежать. И если в доме чужой человек шумит, через некоторое время с кресла доносится недовольный мяв. Вот и я боюсь пошелохнуться, когда кот рядом спит.

А как Соломон к ласковым словам чувствителен! Я ему: «Соломон, какой ты у меня красивый кот! Какой послушный!» Соломоша переворачивается на спину, распрямляет длиннющие лапки и начинает перекатываться из стороны в сторону. После сам себя выглаживает, облизывает, показывает какой он прекрасный кот. Особенно любит, когда хвалю – какой он послушный. Потому что *человекокотопёс*. И компанию всегда тебе составит.

Я мыться, он за мной. Воды совсем не боится. Запрыгивает на бортик ванны и наблюдает. Прочь выставляю, он обратно. Однажды на бортике не удержался, сорвался в воду. Уши мокрые прижал и поплыл. Я говорю: «Ты нормальный, вообще?» А он плывёт, на меня смотрит: «Да-ааа». Счастливый. Ну как такого не любить. Я: «Соломон, дай ты мне спокойно помыться!» И перед его носом ладонью по воде как шлёпну – брызги во все стороны. Соломон такого вероломства с моей стороны не ожидал, вылетел пулей наружу и исчез в направлении комнаты сына. Там в ярости с одёжным шкафом сцепился. Вещи в одну кучу согнал и мокрый сверху улёгся. Я захожу, а царь Соломон на меня прищуренным глазом с горы мокрого белья смотрит: «Я тут лежу, лежу вот так, что ты пришла? Иди отсюда!» Ну просто отпад!

Я думаю, что коты *пришельцы*. Шастают в космосе среди звёзд и черных космических дыр. Ловят космических мышей. А к нам прилетают, чтобы посмотреть, как одуванчики закрываются жёлтыми, а открываются пушисто-белыми. Романтики. Вот вы можете свои уши на 180 градусов поворачивать? А коты могут! И потеют они, в отличие от человека, исключительно через лапки. А ещё у них на двадцать четыре кости больше, чем у людей. А ключиц вообще нет – поэтому легко пролезают в любое отверстие (через которое пройдёт их голова). Инопланетяне, и точка.

Да, на Земле вообще обитает много удивительных существ, явно неземного происхождения! Вот, к примеру, осьминоги – у тех вообще по три сердца, по девять мозгов и кровь – синяя…

Недавно родители принесли на передержку кошку. Ремонт в своём доме затеяли. Кошку зовут Мотя. Ей два года. Я говорю Соломону: «Вот это Мотя. Она поживёт у нас какое-то

время». Соломоша увидел взрослую кошку и офигел. Потом в полной прострации встал «на пуанты», туда-сюда пошагал и нервно завис над Мотей (появление в доме нового жителя не предвещало для него ничего хорошего). А кошка, не мешкая, лапой ему по морде и зарядила. Сразу видно – характер. Я Моте: «Что ты творишь? Фу какое-то!» А она второй раз Соломона по морде хрясь! – добивон типа такой. Соломон живой пружиной выскочил из прихожей и понесся куда глаза глядят (оказывать сопротивление взрослой особи было бессмысленно). Через минуту из недр комнаты донёсся лёгкий треск когтей о когтеточку. Это Соломон срочно приводил в порядок боевые доспехи. Все следующие сутки я с интересом наблюдала за передвижением и местоположением Соломона и Моти (чтобы вовремя вынуть Соломона из цепких Мотиных лап).

Мотя Соломона и по сей день лупит. Это воспитательный процесс у неё так проходит. Мотя же в первую очередь женщина, а потом кошка. А по знаку зодиака – Дева. А Девы – они всегда знают как лучше! Их хлебом не корми, дай покритиковать да повоспитывать. И знаете, как она это делает? Очень вероломно. Вот Соломон по дивану козликом скачет, обивку когтями рвёт. Мотя усаживается к нему всё ближе и ближе, и в самый неожидаемый для Соломона момент разворачивается и отвешивает лапой подзатыльник. И Соломон сразу замирает. Веселая компашка... не соскучишься...

С первого дня Соломон приревновал меня к Моте. Моментально просчитал, что любви ему теперь будет доставаться меньше, и прямо с порога начал страдать. Конечно, жил с тремя «большими», а тут ещё один член семьи нарисовался. Ну ладно, если б на время. Однако пребывание Моти на нашей территории явно затягивалось. Соломон грустил,

то и дело ходил за мной, жалуясь-прося спасения от Моти. Я тут же начинала хвалить Соломона: «Какой ты, Соломон, красавчик, какой умница», – и он успокаивался. Но стоило мне переключиться на Мотю, как кот бежал ко мне, желая любви прямо *щас*, немедленно, подставлял спину и мявкал. Мотя его выкрутасы *игнорила*, достойно принимала порцию хозяйской ласки.

Надо отдать должное, Мотя никого из «больших» в нашем доме не обижала. По жизни Мотя – кошка-отшельник, с неприкосновенным личным пространством. На хромой кобыле к ней не подъедешь, за ломоть колбасы не поластишься: сразу рычит и когти выпускает: мол, будете лезть с любезностями – нарветесь. Ты ей: «Киса-кис!» А она и ухом не ведет. К родителям моим с улицы пришла, сама их дом выбрала. Первое время всё не могла наесться. Мама Мотю покормит, в огород выйдет, а Мотя сразу айда плиту обследовать. Умела одной лапой поднять крышку сковородки, другой достать рыбицу и аккуратно закрыть обратно (чтоб мама не заметила). А ещё подъедала в огороде огурцы. Краденое, наверно, вкусней. Мама её стыдит, а Мотя ушки назад отведет, глазки скосит, пригнется и молчит. Боялась, видимо, что еда быстро закончится, а следующую не дадут, вот и пыталась бывшая беспризорница наесться впрок. У отца в сарайке открывала любые коробки, а ещё гайки тырила: по полу их с шумом гоняла. Папа Мотю ругать, а она глазками хлоп-хлоп: «Я ничего не трогала, оно само». Постепенно мама её воровать отвадила, глистов вывела, отмыла. Один раз у Моти даже были котята. Родители не знали, что с ними делать, котята им были не нужны. Утопить (как советовали соседи) – грех. Кое-как пристроили. А Мотю стерилизовали.

Как у всех взбалмошных барышень, у Моти очень доброе сердце и большая нерастраченная материнская любовь. Может быть, Мотя приняла Соломошу за одного из своих котят? Воспитывать стала. Контролировать везде. Кошачьим премудростям учить. Даже на бортик ванны теперь вслед за ним запрыгивала, следила, чтоб в воду не свалился. Ещё и на меня осуждающе смотрела: «Юля, не надоело там тебе плескаться в воде, шерсть свою мочить? Языком бы прошлась быстренько, делов-то! Зря, что ли, на йогу ходишь?» – беспокойство о моей безопасности проявляла.

Совсем недавно Мотя ко мне подходить стала, чтоб я её погладила. Короче, теперь она тоже моя.

Соломон в отличие от Моти – злостный собственник. В квартире полгода болтался необжитой кошачий домик. Соломон (когда был один) никогда им не интересовался и внутрь не залезал. А Мотя, как бывшая беспризорница и любительница всяких там гнёзд, дыр и нор, домик оценила. Но как только Соломон увидел, что Мотя в ЕГО домик влезла, влетел следом. А Мотя его лапами лупит – давай, мол, хлопчик, вали отсюда! Соломон психует, но всё тщетно.

Но вот прошло какое-то время, и Мотя из домика вышла. Соломон в него тотчас влез (ура, получилось!), посмотрел, что там вообще ни о чём, сделал вид, что не очень-то и хотелось, и вылез. Но главное, чтобы ОНА в его домик не заходила. Это ЕГО вещь!

Как только Соломону исполнилось шесть месяцев, он начал замечать в Моте женщину. Вот идёт мимо Моти и вдруг её в носик – чмок. Картина маслом. «Нежность» называется (малыш давно вырос и стал настоящим мужчиной)! А Мотя от его поцелуя так и тает. Смешно на них смотреть.

Наверно, это могло стать началом красивого романа: милая, ласковая, одинокая стерва Мотя и всеобщий любимец семьи, красавец Соломон. Целуйтесь уже и живите счастливо… Сейчас Соломон с Мотей играют, друг с другом бодаются, но что мне с переизбытком его любовных гормонов делать? Ещё чуть-чуть – начнёт под дверью ныть: «Выпустите меня на свободу-ууууу!!! Мяяяяяя»! Или Мотю напористой любовью *задалбливать* (хоть она и стерилизованная). Но это же не совсем моя кошка. Вот и ко мне чаще подходить стал – ласку выпрашивать. Чуть ли не сальто-мортале выкручивает – так любви хочется. Ну хоть рыдай навзрыд. Так жаль. И как такого красавца кастрировать?! Не хочу над ним надругательства...

За шесть месяцев Соломон превратился в сгусток мышц, стал похож на огромного во всех отношениях британца. Курицу теперь басом у меня выпрашивает: «Ма-аааааа!» Радостно так и мощно. Серьёзный парень. Ну я просто валяюсь. Сплошной восторг.

Царские замашки проявлять стал. Любит возлежать на видном месте в какой-нибудь великолепной позе и украшать собой помещение. И недовольство по-аристократически демонстрирует. Поругаешь без видимой коту причины – в знак протеста сходит не в лоток, а в душевую кабину. И скажу, мне весьма непросто сохранить способность спокойно реагировать на эти его арт-проявления. Одно дело в душе попеть, другое – вляпаться в какашки. Причём я никак не могу отследить момент, когда он это делает. Бывает, ходит в лоток, бывает, в душевую кабину. Так и хочется кошачьего психолога пригласить.

В квартиру войдёшь – никакого кошачьего духа не уловишь. Никак не определишь, что в доме кошки. Лотки до

блеска чищу, зверей с шампунем мою, от глистов обрабатываю, капли (рекомендованные ветеринаром) капаю, витамины-минералы всякие в корм сыплю, свежую траву даю. Я ответственный кошковладелец. И звери у меня красивые-сытые -здоровые. Вот только не знаю, как отучить Соломона в душевую кабину гадить! А Соломоше, видно, нравится туда «протестовать»: и места больше, и так же чисто. Я тряпкой за это даю. А Соломон на меня обижается. Ну знаете, как обижается – уйдёт такой – спина дугой, шерсть дыбом. А минут через пять издалека начинает ко мне подбираться, и глазами своими *блым-блым*. Ну типа: «Ладно, ты меня отругала, окей, но ты меня, наконец, погладишь, или нет?» Перемену в моём настроении увидит – голову гордо поднимет, подберётся-приосанится и, конечно, получит свою порцию хозяйской ласки.

У меня в жизни полно хороших людей, а вот душой зацепиться не за кого. Очень нравятся люди, которые *Человеки*. А Соломон – это ж настоящий *человекокотопёс*. Увидит меня – от счастья до потолка подпрыгивает. Ну а когда вниз падает, лапой за воздух хватается и вслед за собой утаскивает то, что под лапу подвернётся. Неуклюжий, хотя весь в мышцах. Ну вот такой он.

А вот с Мотей у меня никаких проблем. Иногда даже кажется, что её в квартире нет. Настолько незаметно себя ведёт. Подойдёт к миске и, если в ней пусто, просто сидит и терпеливо ждёт. Я Моте корм насыплю, она поела и отошла. Всё. Её не видно. Нашла себе какое-то там место, спокойно легла. Трава б росла в горшке, и корм лежал в миске: больше ничего Моте не надо! А Соломон бы на её месте: «Алё, гараж, я есть хочу! Ма-а-а-а!!! Дай пожрать! Ма-аааа!!!» Ещё и в сторону кошки будет лапой показывать, мол, и ей такое же дай! Вот ведь хозяин.

Цветов и деревьев у меня дома нет вообще. Все давно съедены. Переживаю, мало ли что, отравиться ж могут. Поэтому домой только кошачью траву покупаю. Мотя травку любит. И Соломон тоже. Но без Соломона Моте к траве подходить нельзя. Если без него начнёт есть, непременно огребёт. Уже Мотя.

Я как-то со свежей травой в квартиру зашла и, пока раздевалась, горшок на пол поставила. Мотя травку увидела, подошла, щипать стала. Я мимоходом: «Ой ты моя хорошая, кушай-кушай!» Секунда, Соломон срывается с дивана, налетает на Мотю, сбивает её с ног, встаёт на её место и начинает есть траву (мол, я тоже хороший!). Я, еле сдерживая смех, хвалю и его. А Соломон – за справедливость. Поел, поднял над горшком с травой свою большую голову, посмотрел на меня глазами, полными удовольствия, и мявкнул басом. ОН самый любимый. ОН хозяин в доме!

Мотя за подросшим Соломоном первенство признала. И всё теперь за ним повторяла: запрыгивала на стол и подоконник, карабкалась по шторам; на птиц в унисон повизгивали. Норовила *ляпнуться* на спину и задрать вверх лапки. От счастья.

Так вот и подружились – мудрый царь Соломон и его возлюбленная «Суламифь»-Мотя.

Самая важная у этой банды задача – разбудить с утра «мать». Чтобы не проспала да не забыла покормить. В упор на меня спящую смотрят: «Давай, Юля, вставай!» Ещё и лапами потрагивают. Пока не разбудят.

При запертой спальне караулят под дверью. И стоит под утро мне лишь скрипнуть кроватью, как раздаётся дружное: «Ма-а-а-а!» Соломон со всей силы разгоняется и бьётся в дверь головой. Такой бесконечный ты-гы-дык-ты-гы-дык-ты-

гы-дык. Если задумал разбудить – ничего не остановит. Конечно, в такой обстановке долго не поспишь.

Я: «Всё, кошки, я с вами не дружу, вы меня самым бессовестным образом разбудили». Встаю злая. Ищу босой ногой тапки. А котяры тут как тут. Толкают меня головами снизу вверх, приветствуют. Возьму на ручки. Щекой к хитрющим мордам прижмусь, розовые подушечки лап *потеребонькаю*… И благодатью до самой макушки наполняюсь. Какие они у меня классные. Конечно, если нашкодят, могу и за шкирку потаскать; знают, что за дело, когти не выпускают.

Друзья твердят – зачем тебе две кошки, ты – чё? А я им: «Там, где одна кошка, там вторая не помеха». Да мне вообще никакой с ними мороки. Испортят стенку – я не парюсь. Под

раковиной ведёрко с краской стоит. Два раза валиком прошла, и стеночка как новая. Разобьют любимое блюдо – к счастью. Шерсть на пальто, хвост в кружке с кофе, погрызенный ковёр, поцарапанная мебель… Главное – терпение и спокойствие. И робот-пылесос. Поэтому в уныние: о боже-боже, мои коты убили мою квартиру, я не вхожу. Но вот тем, у кого аллергия на кошачью шерсть – полный кошмар. Мне нормально, я не аллергик.

Квартира уже давно поделена на зоны влияния. У Моти три любимых спальных места: подоконник, верх платяного шкафа и гладильная доска. Найти её можно только там.

Соломон предпочитает диваны, стулья, теплый пол и компьютер сына. Самое любимое место – серый диван в гостиной. Мало того, что сливается с ним по цвету (из-за этого Соломона дома я иногда не нахожу), так ещё растянется на диване, как кусок пластилина до необъятных размеров. Лежит пластом, и только изредка лапочкой так подрагивает. Если присяду – начинает потрагивать меня лапой, мол, может, всё-таки меня уже погладишь, лежу ведь тут я. Царь Соломон.

У подруги Лизы сфинкс вообще спит в барабане стиральной машины. И Лиза перед стиркой бельё рукой всегда прощупывает – проверяет: нет ли в машине кота. Конечно, сфинксу в толстом слое белья тепло и уютно. Он же лысый. Это Соломон и Мотя на открытых поверхностях спят.

Мотя – кошка дворовая, хотя и с долей благородных кровей. Глаза голубые. Из-за пышной шерсти кажется крупнее Соломона. А как выкупаешь – средних размеров цыплёнок. Беззащитная и хрупкая. Вот только мама моя расстраивается, что Мотя её больше не воспринимает. На днях мама Мотю на руки взяла, так та когти выпустила, рычать стала. Понравилось Моте у нас жить. Что сказать, «пересид» был комфорт-

ный: кормили, поили, режим дня свободный. Здоровье в норму пришло, и шерсть заблестела. Потому что восторг, потому что жизнь налаживалась. И Соломоша понравился. Красивый. Ну очень красивый. И Соломону Мотя приглянулась: природный ум, мордочка выразительная, умеет улыбаться, грустить, даже мечтать…

Я маме на её причитания отвечаю: «Ничего страшного, что Мотя к тебе не подходит, ну ей же хорошо здесь. И это главное». Кошки комфорт ценят. Мотя в нашей квартире прекрасно себя чувствует.

Я внутри где-то даже радуюсь, что Мотя меня выбрала, повысила мою самооценку. Ну Мотя же понимает, кто её кормит. Любви тоже нужен её ежедневный хлеб.

Едят, к слову, Мотя и Соломон по-разному. Я пробовала давать Соломону только сухой корм, но мне его шерсть потом не нравится (тускнеет). И я стала кормить так: дам, например, Соломону две креветки, потом кусочек маленький рыбки, грамм 30; потом варёной курочки или телятинки, грамм 50… И вы знаете, у него шерсть такой густой и блестящей стала. То есть основной рацион – сухой корм, но вот эти все подкормки – они всё равно дают результат. Мотя же подкормки не любит, ест только сухой корм. Больше ей ничего не надо. Я ей креветку как-то дала. Она подошла: «Фу, что это вообще такое?!» – есть не стала. Я: «Окей».

Вообще, если Моте еда не нравится, она и зашипеть может. Потом подойдёт, куснёт за ногу, мол, что за гадость дала мне.

Мама ультиматум выставила: «Ну всё, дочь, короче, ты ее кормишь, она нас больше не любит». Я: «Ну, наверно, так оно и есть». Двадцать лет назад мама тоже была молодая и красивая; теперь только красивая... Мотя вообще перестала

её воспринимать. Категорично с родителями не общается, вообще в ноль…

Когда Мотя на гладильной доске лежит, я могу к ней подойти и гладить её хоть сколько. И Мотя в ответ шершавым язычком вылизывает мои пальцы. И это самый безотказный пропуск в моё сердце. Когда же я маме сказала, что Мотя мне руки облизывает, мама очень удивилась, с ней кошка такой нежной никогда не была.

Любимки они у меня: Мотя и Соломон. Мохнатые детки. Искренние, ласковые, нежные! Торопятся отдать свою любовь. Мне. И любят так трогательно. Начну одного гладить – другой тут как тут, сразу бежит и: ма-ааа (а меня?).

Общаясь с ними, я поняла, что самая большая драгоценность на земле – это души, которые нас любят... Только от любящих душ свет в доме.

Милые мои подружки! Чтоб стать счастливой, надо просто стать чьим-то счастьем… Например, для какого-нибудь Хвостика. Придумайте ему имя и сделайте так, чтобы его жизнь стала радостной. И, глядя на его радость, вы также станете радоваться. А душа начнёт петь. И домой с работы бежать захочется, чтоб в счастье искупаться…

Господи, пусть у всех хвостиков появится своя семья! Свой дом! Хвостики, будьте счастливы! Вы все замечательные!!! Удачи вам!!! Где вы – там свет!

Я теперь ваш главный фанат! #*Залюбиланимагу*.

Максим Сафиулин

В ПУТЬ – ЗА НОВЫМИ МЕЧТАМИ

Разбитую мечту, увы, ничем не склеить –
Бессмысленно страдать, рыдать над черепками.
Но главное – всегда надеяться и верить,
И собираться в путь за новыми мечтами.
Мечта найдёт того, кому упасть в ладони,
При должном мастерстве, упорстве явью станет.
И вспыхнет, как звезда на тёмном небосклоне,
Фамилия твоя, и твой черёд настанет.
Пиши, мечтай, рискуй, трудись над каждым словом,
А что пошло не так – не плачь и не грусти.
И не гордись трудом, как пойманным уловом,
А лучше весь улов на волю отпусти.
И пусть они плывут – стихи твои и строки,
И пусть поймают их другие рыбаки,
И станут пусть добрей в одном, святом потоке –
На то не жаль труда и собственной строки.
Ищи свою мечту! Она, ей-богу, рядом,
Хоть, кажется, живёт в стране небытия.
Ты ощутишь её, ты встретишься с ней взглядом.
И сразу всё поймёшь – нашёл. Она – твоя.

Альбина Гарбунова

ИНОХОДЕЦ

Часть 1

В полдень позвонил Валуев:

– Пал Андреич, ты сядь и выслушай спокойно. Я получил ответ из лаборатории: у иноходца не пневмония, а вирус Хендра.

– И что?

– А то, что он уже не жилец, и к тому же очень заразен и для остальных лошадей, и для тех, кто с ним контактирует.

Павел пододвинул к себе стул и теперь только сел.

– Это серьезно. Что же нам делать?

– Иноходца нужно срочно усыпить, пока санэпидстанция не явилась и не пристрелила его. А Никиту ты должен отправить в клинику на проверку.

– Жаль жеребенка. Но, видно, делать нечего. Ты сам-то когда тут будешь?

– Не знаю. Меня тоже проверяют на наличие вируса. Тебе придется самому сделать иноходцу укол.

– Мне? Ты что охренел? – Павел вскочил со стула. – Нет, Валуев, только не это. Ты же знаешь, я перед Богом поклялся никогда больше не брать в руки шприца, и больше никогда в жизни никого не убивать.

– Знаю, Паша, что это нелегко. Я и сам всякий раз, когда приходится такое делать, мучаюсь. Но ты подумай об иноходце, о Никите, о других животных. Короче, ключ от аптечки в сейфе. Код ты знаешь. Коробку с ампулами я тебе уже

однажды показывал. Доза стоит в инструкции. Действуй. Если что – звони.

Павел сунул мобильник в карман и пошел в конюшню. Иноходец уже не поднимался на ноги, глаза его были полузакрыты, из груди вырывались хрипы, а тело сотрясалось от частых судорог. Никита сидел рядом с ним, гладил жеребенка и беззвучно плакал. Павел присел перед ними на корточки.

– Валуев только что звонил.

Никита с надеждой посмотрел на своего наставника. Павел отрицательно покачал головой, прикусил верхнюю губу, борясь с подступившими слезами.

– Иноходец обречен. У него смертельный и опасный для нас и для стада вирус. Валуев сказал, что санэпидстанция должна будет застрелить жеребенка.

– Нет! – закричал Никита и, разметав мгновенно руки, грудью упал на иноходца. – Не дам. Тогда и меня вместе с ним!

Мальчишка не шутил и не притворялся. Несколько месяцев назад он пережил жестокую ломку, и его жизнь только начала приобретать смысл. И этот смысл заключался в полугодовалом жеребенке с врожденной иноходью, выкормленном им из соски. Взывать к рассудку Никиты было бесполезно, и Павел, точно так же раскинув руки, тоже рухнул на иноходца.

– Ну, тогда и меня тоже пусть пристрелят, – отчаянно выкрикнул он.

Минуты две Никита не шевелился и не произносил ни звука. Потом поднял голову.

– А вас-то зачем?

– А затем, что мне сейчас еще во сто раз хуже, чем тебе. Пока у Валуева ищут вирус, я должен усыпить жеребенка, а потом отвезти тебя в больницу. И если я этого не сделаю, то

в иноходца всадят пулю, на меня заведут уголовное дело за распространение смертельной инфекции, центр закроют, а ферму ликвидируют. Своих детей у меня нет, а без вас и лошадей мне жить тоже ни к чему.

Никита встал, подошел к Павлу и тронул его за плечо, хотел что-то сказать и не смог.

Павел тяжело поднялся на ноги, пошел, сгорбившись, к кабинету ветеринара. Когда он со шприцом вернулся, Никиты не было. «Сбежал, – мелькнуло в голове. – Этого пацана мы наверняка потеряли: к своим дружкам, небось, за дозой подался».

Жеребенка била лихорадка, он совсем по-человечески стонал от боли. Глаза его были открыты, и в них Павел прочел мольбу о помощи.

– Эх, паря, не знает еще медицина, как тебя вылечить. Вот только этим и могу облегчить твою судьбину, – прошептал Павел, показывая зачем-то животному шприц.

Он надел резиновые перчатки, перекрестился и ввел снотворное жеребенку. Последняя судорога пробежала по телу иноходца и, взглянув удивленно на Павла, он затих. Павел, не осознавая своих действий, прочел отходную молитву, провел ладонью по морде жеребенка, закрывая ему глаза и побрел прочь.

В это время дня подростки были в школе, лошади гуляли в загоне, и конюшня пустовала. Вдруг обоняние Павла учуяло запах табачного дыма. «Вот только пожара нам сегодня и не хватало», – встрепенулся он и ускорил шаги. В самом последнем стойле, скрючившись на тюке соломы, курил Никита. Павел сел рядом.

– У тебя для меня сигарета найдется?

– Вы же не курите.

– Ты, вроде бы тоже… – показал Павел на затухшую сигарету. – С иноходцем хочешь попрощаться?

– Я уже… – растирая окурок о подошву своего ботинка, разрыдался Никита.

Павел обнял паренька за плечи, и слезы потекли по его щекам. Каждый оплакивал свое: Никита любимого жеребенка, Павел…

Часть 2

В детстве Пашка и Санька были друзьями. Жили в одном дворе, учились в одном классе, вместе играли в войнушку, вместе пошли в армию. В учебке дали им специальность водителя и отправили в Афганистан топливо по горам к военной технике подвозить: пополнили Пашкой и Санькой ряды смертников, потому что душманы постоянно уничтожали машины с горючим. Не было такого рейса, чтобы колонна в полном составе на место прибыла. Как-то раз Санька сказал своему другу:

– Если только вернусь домой живым, поступлю в семинарию и стану священником.

Павел удивленно посмотрел на Саньку.

– У меня ведь прадед и дед Богу служили. Деда расстреляли за это. Отец побоялся семейное дело продолжить, значит, я должен. Выжить бы только, – вздохнул Санька.

А месяц спустя везли топливо через перевал Саланг и попали в засаду. Обстрел, Санькина машина загорелась, восемь тонн горючего рвануло. Саньку горящим факелом выкинуло из кабины. Павел его в госпиталь привез, там сказали, что безнадежен. Павел врачу к груди автомат приставил.

– Пристрелю, как собаку…

– Это ему не поможет. У него семьдесят процентов кожи сгорело. Чудо, что вы его до госпиталя живым довезли. Мы его сейчас обезболивающим накачаем, может, придет в себя и захочет что-нибудь своим родным передать. Ты, я вижу, ему не посторонний, можешь здесь остаться.

Санька, действительно, очнулся ненадолго и сразу все про себя понял. Увидел сидящего рядом Павла.

– Помнишь, я говорил тебе, что хочу стать священником? Видно, не судьба… Обещай, что вместо меня ты будешь Богу служить.

– Перестань, ты вернешься домой…

– В цинковом гробу. Обещай, что сделаешь. Поклянись… А я за тебя на том свете попрошу… – прошептал немеющими губами Санька.

Павел поклялся. Санька умер. Именно тогда Павел впервые попробовал героин.

1988-ой год заканчивался. Ходили слухи о выводе советских войск из Афганистана. То ли это подействовало на душманов, то ли и в самом деле Санька молился за своего друга, только их колонна ни разу больше не попала под обстрел. В феврале Павел вернулся домой. Наркоманом вернулся.

Первое время родители не понимали в чем дело, потом дошло – какая беда с их сыном приключилась. Пробовали его уговорить лечиться, отец даже с наркологом договорился, чтобы без огласки – стыдно же перед родней и знакомыми – сына на путь истинный наставить. Да ведь шила-то в мешке не утаишь: хоть Рига и большой город, а слухи за год расползлись. Да и немудрено: все, что было ценного в доме, Павел вынес и продал, а как продавать нечего стало, воровать начал, попался, уголовное дело завели, схлопотал бы срок, да

отцовские связи помогли. Дело замяли, Павла на работу устроили. Продержался он на ней пару недель, да и опять за свое – то продаст что-то, то сворует, чтоб только дозу купить. Очнулся он как-то за полдень от наркотического дурмана, а мать в слезах причитает над ним:

– Раньше я Сашину мать жалела, а теперь завидую ей. Она своего сына героем похоронила, а мой – подонком вернулся.

Павел в тот день даже из дому не вышел. А ночью ему Санька приснился: будто стоит он, Пашка, у цинкового гроба, а друг открывает глаза и шепчет обескровленными губами:

– Ты же обещал мне…

Павел проснулся. Неснятая рубашка прилипла на мокром от пота теле. Он натянул на себя сползшее одеяло.

– О, господи, что же я ему обещал-то?

И снова уснул, будто провалился невесть куда. И опять Санька ему привиделся.

– Ты же поклялся Богу служить... Богу служить… Богу… – слышал Павел глухой голос из гроба.

Он вскочил с кровати. Его трясло. Перед глазами все плыло. Тошнота стояла у самого горла. Шатаясь из стороны в сторону, дошел до кухни, залпом выпил до краев налитую кружку воды. Не помогло. «Герыча бы…», – мелькнуло в голове спасительное и тут же исчезло. Голова горела, он прижался лбом к холодному косяку и вспомнил, как сидел возле умирающего Саньки. Снова наполнил кружку водой, посмотрел на нее с отвращением и пошел в спальню родителей.

– Мам, – присел Павел на краешек кровати, – пойдем завтра к наркологу.

– Пойдем, Пашенька. Пойдем, сыночек, – заплакала вмиг проснувшаяся мать.

Павел выложил доктору все без утайки: про Афганистан, про Саньку, про клятву, про героин, про воровство.

– Таких, как ты, в Европе сначала в клиниках детоксом лечат, а потом для реабилитации на специальные «курорты» отправляют. Там наркоманы живут на природе, работают в поле, за животными ухаживают. У нас ничего похожего нет, но коль ты решился, пойдешь в стационар. Приготовься к тому, что будет дико трудно. Но, если выдержишь, – снова человеком станешь.

Покоробило Павла это «человеком станешь», да мать больно сжала его руку повыше локтя – смолчал. От врача, не заходя домой, чтоб не передумать, в наркологическое отделение пошел. Мать обещала все необходимое к вечеру принести.

И наступил ад, когда он завидовал мертвому Саньке и Христом-Богом умолял врачей сделать ему укол, чтобы никогда больше не проснуться. Болела каждая клетка его тела. Павел впадал то в ярость, то в слезы. Его мучили бесконечные кошмары: то он горел вместе с Санькой, то автоматными очередями расстреливал афганских крестьян и орал на всю больницу истошным голосом: «За Саньку! Это вам за Саньку».

В редкие минуты просветления видел рядом с собой либо мать, либо медсестру Любашу. Недели две Павла ломало, а потом стало потихоньку отпускать. Врач осмотрел его и сказал, что результат превзошел всякие ожидания.

– Через пару месяцев видно будет, – ответил он Павлу на вопрос о выписке.

Павел приуныл, но тут Любаша выручила, кучу книг ему притащила, да и сама каждую свободную минуту к нему забегала. Привык он к ней и стал ловить себя на том, что скучает по Любаше, когда не ее смена. Влюбился он, а подступиться к ней боялся. У этой тоненькой, светленькой, с теп-

лым ласковым голосом девушки характер был – чистый кремень. На какие только ухищрения не шли алкоголики и наркоманы, чтобы уговорить ее принести им зелья в клинику или дозу уколоть (в сейфе ведь всего полно) – бесполезно. А тут еще мать, заметив его интерес к Любаше, масло в огонь подлила:

– Она девушка самостоятельная, в медакадемии учится, зачем ей наркоман? Вот если бы у тебя какая толковая специальность была, да работа…

Павла заело: «Врешь! Нас голыми руками не возьмешь!» Попросил Любашу книги Джека Лондона принести. Он их с пятнадцати лет не перечитывал, а тут, как стервятник, набросился и понял, что медицина – это, конечно, хорошо, но прежде всего он сам должен себя из всего этого дерьма вытащить. Врач диву давался – что с парнем сделалось. Пациенты на этом периоде лечения обычно кашу-размазню напоминают, а этот каждое утро с зарядки начинает, потом под холодный душ становится, днем – пробежка в больничном парке. Аппетит как у здорового человека. Порадовался доктор и предложил Павлу выписаться, а тот заартачился:

– Не пойду домой. Вы сами говорили, чтоб раньше, чем через два месяца о выписке и думать забыл. А прошло только полтора.

– Ну, у тебя все не как у людей: то ломился из больницы, а теперь, когда выздоровел, уходить не хочешь. Ладно, полежи тут еще недельку, – недоуменно пожал плечами врач и пошел к Пашкиной матери выяснять в чем же дело.

Та не стала тень на плетень наводить, открыла истинную причину нежелания Павла из больницы уходить – Любаша. Решили подумать – как разрешить ситуацию, чтобы рецидив наркомании не спровоцировать.

Неизвестно, чем бы все это дело закончилось, да только на следующий же день зашла Любаша в палату к Павлу и говорит:

– Слышала, что тебя выписывают скоро. Ты чем собираешься после больницы заняться?

– Да на тебе жениться собираюсь, – возьми да и ляпни Павел.

– Идея неплохая, – засмеялась, приняв это за шутку, девушка, – только не мешало бы мое мнение на этот счет узнать.

– Именно это я сейчас и сделаю: Любаша, я влюбился в тебя по уши и не представляю, как буду дома жить и тебя не видеть. Может, ты ко мне переедешь, или я к тебе?

– Звучит как-то неубедительно, – улыбнулась Любаша.

– Я люблю тебя, Любаша. Выходи за меня замуж, – бухнулся Павел перед нею на колени.

– Значит, это серьезно. – Любаша помолчала, потом добавила: – Не буду врать, что ничего не замечала и твое предложение полная неожиданность для меня. Но тем не менее я должна подумать. И здорово подумать. Дай мне время до конца недели. А теперь встань с колен, а то вот хочу тебя в щечку чмокнуть, а ты где-то там внизу.

И дни потянулись. Моментами Павлу казалось, что отказ неминуем, и от этого становилось горько, и снова хотелось уколоться, но он хватался за Лондона, читал его и заставлял себя думать только о прочитанном и ни о чем больше. Чаще, однако, он вспоминал почти материнский Любашин поцелуй, проводил пальцами по щеке в том месте, где она его чмокнула, будто проверяя, на месте ли оставленное девушкой тепло и смутная надежда.

Любаша все так же забегала к Павлу в палату и теперь постоянно наталкивалась на его вопросительный взгляд, но по-

ка разговора не заводила. Ей, действительно, было о чем подумать: Павел понравился ей с первых же страшных дней детоксикации: он во всем был не такой, как все, даже ломало его как-то по-особенному. Она чувствовала, что героину не удалось сожрать в нем ум, силу воли и доброе сердце, и все-таки сомневалась – уж очень часто встречала она в наркологии повторно лечащихся. Любаша поговорила с врачом Павла. Тот подтвердил, что парень практически здоров и, если родным и близким сейчас его по-умному, не сюсюкая, поддержать, рецидивов не будет.

– При условии, что не произойдет чего-то неординарного, что снова выбьет у него почву из-под ног, – заключил он.

После дежурства Любаша пришла к Павлу.

– Я выйду за тебя замуж, но при одном условии, что ты никогда в жизни не возьмешь больше в руки шприца с героином или еще какой гадостью, и пойдешь учиться, потому что голова у тебя на месте, что, в общем-то, удивительно для твоей ситуации, но меня очень радует. Все это нужно для того, чтобы не я для тебя, а ты для меня и наших детей стал опорой.

Это было весной. К лету Павел нашел опытного столяра и уговорил взять его, Павла, к себе учеником: с детства мечтал об этой профессии. А осенью сыграли скромную свадьбу, и стали молодые в унаследованном Любашей от бабушки маленьком домике под Ригой жить-поживать. Павел за время учебы-работы старый домишко в теремок превратил, баньку и колодец ему под стать соорудил – прохожие через забор заглядывали, деревянной резьбой любовались. Соседям да знакомым тоже никогда не отказывал, мог и обветшавшее подреставрировать и новое сделать.

Часть 3

Так прошло лет пять. Ученик уже своего учителя в мастерстве превзошел и работал самостоятельно. Все у них в доме было. Все, кроме деток. А пора бы уже. Супруги у специалистов обследовались. Те в один голос: «Здоровы. Ждите». И они терпеливо ждали. А тут как-то Павлу приснилось, будто крестят они своего первенца в церкви, а батюшкой там – Санька. Проснулся Павел в смятении, весь день сам не свой ходил, вечером не удержался, Любаше сон рассказал. Та подумала немного и говорит:

– Помнится, еще в больнице ты рассказывал про обещание, данное другу. Видно, настала пора его выполнить.

И Павел отправился в ближайшую церковь, чтобы узнать, как стать священнослужителем. Иерей обрадовал его несказанно: православная духовная семинария открылась в Риге недавно. Павел дело в долгий ящик откладывать не стал, наведался туда, все для себя выяснил, собрал документы, сдал экзамены, и потекли годы студенчества. Соседи и знакомые только пальцем у виска покрутили: свихнулся, дескать – при такой работе мог бы деньги лопатой грести, а он в попы подался. Некоторые даже образумить его пытались, да все впустую. Павел умудрялся и учиться отлично, и столярничать, чтобы не взваливать всю заботу о хлебе насущном на Любашины плечи, и семинарскую церковь ремонтировать. Однокурсники Павла уважали, преподаватели прочили ему стремительную карьеру, а ректор обещал лучший приход по окончании семинарии.

Так бы оно и случилось, тем более что на выпускных экзаменах Павел получил высшие баллы, но незадолго до рукоположения во священный сан он удивил архиепископа своей просьбой об аудиенции.

– Что привело тебя ко мне, сын мой?

– Ваше Преосвященство, меня все время мучат сомнения: достоин ли я священного сана?

– Коль не уверен, должна быть на то причина.

– Вы знаете, Ваше Преосвященство, что мне довелось воевать в Афганистане…

– Там многие воевали – время было такое.

– Но я стрелял там в людей… Апостол Павел же учит: «Епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не убийца…».

– Канонические препятствия к рукоположению вечны, но это только одна сторона дела. С другой стороны – в России уже два «афганца» пастырствуют, значит, там это не сочли препятствием. Или рассудили так, что в армии приказы положено выполнять.

– Ваше Преосвященство, дело не в том, кто как рассуждать станет…

– Понимаю, сын мой: дело в твоей душе… И не буду тебя ни торопить, ни убеждать. Хотя священники церкви сейчас очень нужны… Мы поступим вот как: ты отправишься ненадолго в монастырь, пообщаешься с братией, помолишься от мира подалее, поразмышляешь в келье уединенно. Уверен, что Господь укрепит твою душу, и ты примешь верное решение. Игумену я сейчас позвоню. Как вернешься – милости прошу ко мне.

В монастыре Павел сам попросил назначить ему послушание. Эконом, узнав, что тот умеет столярничать, повел гостя в конюшню.

– Сам увидишь где и что надо поправить. Инструменты, доски, гвозди в мастерской, – кивнул он в сторону сарая и ушел.

Павел придирчиво осмотрел стойла, двери, прикинул, что и как он будет делать. В мастерской обошел вокруг верстака, провел большим пальцем по лезвию старого деревянного рубанка: «Давно я таким не стругал». Изучил содержимое ящиков и коробок и остался доволен. Сунув в карман складной метр, снял с крюка ножовку и направился за сарай, где аккуратными штабелями лежали доски. Они были теплыми, источали едва уловимый аромат солнечного леса. Павел прислонился к стене сарая: «Господи, какая благодать! Озерцо, луг, лошади щиплют травку. Тишина, покой. Здесь душа лечится». Губы его зашевелились в молитве.

Наметанным глазом Павел выбрал подходящую доску, отмерил кусок, отпилил его, прижав коленом к стоявшей тут же чурке. Его руки ловко делали до тонкостей знакомую работу, а мысли поглотила молитва. Он просил Всевышнего только о прозрении: «Господь, укажи мне мой путь служения Тебе».

Шли дни, эконом радовался, что Господь послал им такого рукастого гостя, а Павел трудился, молился и мрачнел – истина не открывалась. Однажды вечером ему не спалось, в келью кто-то постучал. Вошел монах.

– Вижу, маешься ты и днем и ночью. Могу ли я тебе чем-то помочь?

– Выслушай меня. – И Павел рассказал иноку всю свою жизнь.

– Знаешь, а я ведь тоже наркоманом был, – сказал монах. – Больница не помогла, а пришел сюда и излечился. Здесь природа заодно с человеком, и таких мест на земле много.

Монах ушел, а Павел тут же уснул и привиделись ему мальчишки, скачущие на лошадях по весеннему лесу. Проснулся утром и понял что должен дальше делать. Попрощался после завтрака с монахами и тем же днем был у архиепископа.

– Вижу, что Господь наш осенил тебя благой мыслью, но чувствую, что священника церковь потеряла.

– Да, Ваше Преосвященство. Я хочу создать в какой-нибудь деревне при церкви приют для мальчишек-наркоманов, чтобы слово Божие, труд и природа души их врачевали. Мне о таком заведении когда-то мой врач рассказывал и сетовал, что в Латвии ничего похожего нет.

– Ты правильно понял слова Апостола Павла, который умолял нас милосердием Божиим, представить тела наши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного ему служения, и преобразоваться обновлением ума нашего. Благое дело ты затеял, богоугодное. Наша церковь тебя во всем поддержит и чем может – посодействует. А пока – держи вот это, – Архиепископ написал на листке номер телефона и фамилию. – Этот человек будет тебе полезен. Он такой же иноходец, как и ты.

Павел вопросительно вскинул брови.

– Иноходец?

– Не удивляйся, они есть не только среди лошадей. Это те люди, которые совершают свои поступки вопреки логике и ожиданиям. С ними трудно, но на них земля держится. Позвони Валуеву, и да поможет вам Бог!

Выйдя от архиепископа, Павел набрал номер. Валуев оказался практикующим ветврачом, влюбленным в лошадей и вынашивающим идею реабилитации наркозависимой молодежи при помощи иппотерапии.

– Нам бы еще толкового нарколога к этому делу привлечь, мы бы такой реабилитационный центр создали, – заключил Валуев.

– Есть у меня один на примете. Главврач наркобольницы. Меня когда-то от наркотиков спас. Да и жена моя уже полжизни в наркологии работает. Уверен, они не откажут.

И начались ходьба по инстанциям и обивание порогов. На словах чиновники вроде бы понимали, что предлагаемым путем можно научить прошедших лечение наркоманов общаться, работать, отдыхать, т. е. получать удовольствие от жизни другим путем, но, когда доходило до выделения из бюджета необходимой суммы, дело почему-то застопоривалось. Долго бы еще Павел с Валуевым ходили из кабинета в кабинет, да случилось в семье очень богатого бизнесмена несчастье – сын, наследник дела, «сел на иглу». К заграничным лекарям отец почему-то доверия не питал и обратился к главврачу местного наркодиспансера.

– Любые деньги заплачу, какое хотите оборудование для больницы достану, здание отремонтирую, только поставьте моего Никиту на ноги, – пообещал он.

– Детоксикацию-то мы в нашей больнице проведем. Слава Богу, теперь у нас и медикаменты лучше, и методы лечения гуманнее, чем десять лет назад. А вот реабилитационного центра до сих пор нет. Зато есть люди, которые очень хотят его сделать, да вот денег у них нет, – ответил на это доктор.

– Дайте мне номера их телефонов.

Через несколько месяцев в деревне, на берегу тихого светлого озера начал работу реабилитационный центр для подростков, прошедших лечение от наркозависимости. По полгода, а то и по году жили там мальчишки и девчонки. Утром автобус увозил их в школу, после обеда они ухаживали за лошадьми, ездили верхом, работали в саду, на огороде или на ферме, занимались уборкой, готовили ужин и завтрак. Летними вечерами сидели у костра, и говорили о душе, природе, Боге. Все сложилось. И даже министерство здравоохранения, убедившись в эффективности работы центра, начало регулярно его финансировать.

* * *

– Довольно слезы лить. Знаешь, скоро у Стрелы жеребенок появится, вот, думаю, кому бы его на воспитание отдать? – слукавил Павел, вставая с тюка соломы.

– Пал Андреич, а можно мне? – вскочил Никита.

– Конечно, – потрепал его по упрямым вихрам Павел.

И тут в его кармане запел мобильник. Звонила Любаша.

– Я была сейчас у гинеколога…

– Ты заболела? – побледнел Павел.

– Вообще-то, беременность болезнью не считается…

– …

– Ты чего молчишь? Не рад, что ли?

– Любаша, родная моя, да я дар речи от счастья потерял! – закричал в трубку Павел, потом повернулся к ничего не понимающему Никите: – Шагом марш в машину! Едем скорее в клинику на вирус проверяться. Нам теперь помирать никак нельзя: у нас такие дела впереди!

Елена Ханина

ОДИН ИЗ СТА

Один из ста знакомых мне землян
За друга жизнь отдаст в жестокой схватке,
и за страну, которая в упадке,
не предпочтет Берлин российской Вятке,
Поспешно собирая чемодан.

Один из ста не думал о зарплате;
Достаточность – не роскошь, не бриллиант,
на полке книжной Гете, Фром и Кант,
чужим успехам бесконечно рад,
прочь лишнее, в почете слово хватит.

Лишь одного не хватит никогда –
любви к семье, к стране и к незнакомым,
К старушке на скамеечке у дома,
К ручью, поляне, доброта как омут
притянет души, у добра нет дна.

* * *

Одумайтесь, живущие сейчас.
Вы озабочены покупкой виллы,
Лепешки, пиво, водка и текила,
А утром обожатели ИГИЛА
в четыре выйдут дружно на намаз.

Одумайтесь. Минута, десять дней,
Секунда, что растаяла снежинкой.
У пирога невкусная начинка.
Читают приговор нам без запинки.
Рычит, разбушевавшись, суховей...

Одумайтесь! Так много красоты
В букашке и воробышке на ветке.
Рассвет встаёт с небесной табуретки.
Ночь, паучок плетет до неба сетку,
И говорят бездомные коты.

Одумайтесь, покупка ЛАМБАРЖЕ,
хрустальных люстр, высокого забора –
важнее встреч друзей, похода в горы,
чай на костре, влюбленность, разговоры,
и дирижабль завис на вираже.

Одумайся! Пусть тикают часы.
Нам неизвестна дата погребения,
Искрится солнце, каждое мгновение
Дарило счастье сотням поколений.
Бушуют волны цвета бирюзы.

* * *

Я музыкой покрашу стены,
и, как гирлянды с потолка,
свисают ноты откровенно...
подарят старые рефрены
И скажут хитрое «пока».

Как жить теперь? В квартиру снизу
проникли ноты. По ночам
гуляют гордо по плечам.
Кто спрашивал? Кто отвечал?
Реприза нянчила репризу.

А я решила уезжать,
сменить квартиру на другую,
где музыка напропалую
с хрустальной люстрой не флиртует,
И если на звонок нажать...

не оживают вдруг виденья,
что Моцарт, Бах и Мендельсон
в одном оркестре в унисон
играют вместе. Не резон,
что перепутались столетия.

Сейчас живу в другой стране,
там музыка живет отдельно,
Не объявляя в понедельник,
что дирижер – давно ль, намедни
погряз в разврате и вине.

ЖИЗНЬ

Переделки, передряги, перекуры
от Калининграда до Амура.
Пасторали, переломы, перемены
от Одессы до холодной Лены.

Пасквили, поджог, просвирки, пересылки,
приговор читали без запинки.
Погреба, поборы, пытки, постулаты.
Все, кто жил на свете, – виноваты.

Переписка, поводырь, преграды
от Воронежа до Ленинграда.
Полчища, погромы, продразверстка.
Свергли Бога, и исчез апостол .

Перестройка, перемены, перегрузка.
Громкий голос, ярко светит люстра.
Перебои, перестуки, перебранки.
Белый снег, с горы несутся санки.

Постулаты, перебежчик, новый русский.
Свет в конце туннеля слабый, тусклый...

Назар Шохин

ВСЯ ВЕДИЙСКАЯ РАТЬ

От этого кадра у меня аж дыхание перехватило. Глаза героини портрета занимали чуть ли не половину снимка – сплошной ясный взгляд. Длинные ресницы, черные, с переливами блеска волосы с заколкой-лотосом – словом, настоящая соблазнительная богиня Лакшми! Счастлив тот, кого признает она любимым, в чьи попадет объятья.

Этот кадр с цыганкой был второй моей крупной творческой удачей, а первой – облетевшее весь мир фото с десятками белых парусообразных простыней на длинной веревке – тоже в таборе. Хронологически портрет девушки был вторым достижением, но по значимости – фактически первым и, возможно, единственным достойным фотоснимком, на который не жалко было ни потраченного времени, ни сил, ни красок.

Возвращаться в квартал, где жили цыгане, откровенно говоря, не было смысла. Зачем? Чтобы найти и вручить героине портрета в знак благодарности лотос? Чтобы делать вид, будто работаешь, а на самом деле каждый раз оборачиваться, услышав ее голос? Чтобы безнадежно просить у отца или брата лотосной красавицы разрешения поговорить с ней?.. Нет, лучше пусть ее образ сохранится таким, каким он запечатлен в заветном кадре. Фотофейс новоявленной Лакшми уже твой, он будет утешать тебя в скитаньях и неудачах, а его копии украсят богатые заграничные отели.

В социальных сетях я – идол богемы с тысячами друзей и подписчиков, в то время как в реальности я – фотограф с ником-псевдонимом, обыкновенный, ждущий свадебных заказов, отличающийся от других тем, что предпочитаю оплату валю-

той, желательно в евро. О богемной славе я, по правде, никогда не мечтал – она настигла меня как-то сама собой. Но, как нагадала мне старая ташкентская цыганка, я буду «и дальше очень знаменит», только умру рано – не живут долго одаренные.

В гостеприимный цыганский кишлак-табор с глинобитными домиками, с бароном, благоволящим к художникам, привела меня чистая случайность. Здесь свои табу, иерархия, полуиндуистский-полумусульманский образ жизни – недоступная, на первый взгляд, человеческая крепость, современная ведическая рать. Тогда, в первый раз, меня сразу окружила толпа детей, все корчили рожицы, толкались и позировали. Тут, как оказалось, было настоящее и бесконечное собрание характеров, образов, цветов.

…Скверик у ташкентского метро, рядом с моим домом-высоткой, с множеством мамаш и их цыганят – настоящий болливудский репетиториум с напевами санскрита, мантра старых вожаков и грудных младенцев. Здесь даже в дождь по мокрому асфальту расхаживают, мерцая цветастыми платками и шелковыми сари с радужными побрякушками, женщины с малыми детьми с причудливо торчащими пупками, окуривая спешащих прохожих благовониями, уносящимися, как белые дымные кони, вспять. Рядом сидят пожилые, словно факиры в позе лотоса, а поодаль – снуют подростки, озабоченные своей дневной выручкой. Если совсем невмоготу от холода, разжигают цыгане небольшой костер, искры которого гаснут на лету, – это они зовут заглянуть на огонек Богиню Лакшми, привлекающую для попрошаек «мало денег, но много монет»: по мнению цыган, большее богатство делает человека высокомерным и глупым…

Не ищите другого, суперэлитного, свадебного фотографа, звоните мне в любое время дня и ночи, цены совсем не кусаются.

Ирина Яворовская

* * *

А мы – и вправду голограмма –
мир без души и доброты
и нескончаемая драма,
как отголосок пустоты.

Всё чаще мы не понимаем,
что́ происходит на Земле,
и бредим неизвестным раем,
и остаёмся на нуле.

Мы губим тело, дух и мысли
отравой фейков и прикрас,
и неприкаянно зависли
над бездной, алчно ждущей нас.

И осознанье этой яви,
как вспышка света в темноте.
Так кто же всё же нами правит,
закрыв все подступы к мечте?

* * *

Эта вечная боль в моём сердце,
я её через жизнь пронесла,
и нигде не сумела согреться,
и уменьшить её не смогла.

Но и маясь, я всё же молчала,
хоть порой прорывалась она
в тех стихах, что судьба диктовала,
потому что всегда мне верна.

Я пощады и той не просила,
и во всём оставалась собой,
даже если невыносимо
чувства рушил разлада прибой.

Твёрдо зная: никто не заметит
эту данность, по-прежнему я
улыбаюсь сквозь плен лихолетий,
никого и ни в чём не виня.

И живу, как живётся, листая
календарь обозначенных дел,
и отчаянно, страстно мечтаю
о моей настоящей звезде…

Ольга Равченко / Паоло Транкина
Перевод с итальянского языка

СЕМЬ АРХЕТИПОВ ДЛЯ ЧЕТВЁРТОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

(Фрагмент)

Дверь

Только принимающий смерть может возродиться.

Вход в откровение, в перемену, в дверь не означает единичный переход: она приглашает переживать его снова и снова.

Дверь – печать между двумя мирами; последовательность, в которой мы усмотрели разделение.

Потому что дверь размежёвывает и сочетает, намекает на несоизмеримые расстояния и тревожные близости, отделённые только одним жестом: выбором.

Но каждый выбор – прыжок без возврата.

Есть двери, открывающиеся только раз в жизни, невзирая на объективные условия.

(Все?)

Иногда выбор – не делать выбора.

Дверь – разделение между индивидуальным и коллективным, рубеж для перехода, чтобы относящееся к универсальному порядку превратилось в порядок субъекта.

Лучше не менять одно на другое без соблюдения ритуала.

Поэтому часто у дверей есть свирепые стражи, ужасающие глаза, превращающие в камень. Они преграждают путь недостойным, защищая тех, кто осмелился бросить им вызов и выжил.

Дверь инициации всегда узкая. Ничто не должно потеряться, ничто не должно выступать за края неповторимого силуэта каждого существа – чёткого, как жестяная фигурка на фоне неба, – вырисовывающегося, увлекая рубиконом и меняясь для каждого из нас, на пульсирующей бесконечной стене Вселенной.

Мужчина, женщина – мера всех вещей, но не как абстрактные существа.

Ты – мера.

Ты – дверь.

Елена Ханина

* * *

Настанет день, а может, не настанет,
в Израиле, Крыму, Азербайджане
услышу рассуждения-пустышки:
какие для компота лучше крышки.
И позабыв про сказочные дали,
припоминать – что в жизни недодали.
Потом представить, как клубятся волны,
и слушать звуки тихие валторны.
Настанет день, а может, не настанет.
Зима, мороз, куда-то мчатся сани.
И путь земной, зовущий в поднебесье,
покажется игрой в бездарной пьесе.

Ольга Труба

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

– Мы с тобой знакомы, Иришка, уже целых 30 лет: вместе приехали из Белоруссии на целину, – поднял хрустальный бокал с домашней наливкой из чёрной смородины за здоровье юбилярши главный прораб ПМК, в которую перешла работать Ольга после грандиозного скандала с начальником Управления оросительных систем, где она в качестве инженера-гидротехника допустила грубую ошибку в проектировании системы орошения овощного участка, расположенного на склоне небольшого холма в лесистой местности в своём родном селе.

Ещё когда она работала в селе мастером на стройучастке, директор совхоза дал задание сделать проект орошения, чтобы получать больше капусты с того огорода для общественной столовой, которая славилась своими обедами на весь район. Для того, чтобы знать, как проложить трубы, участок нужно сначала измерить. Провести инженерно-геодезические изыскания. Топографическую съёмку. В данном случае в масштабе 1:500. С геодезией Ольга была «не в ладу».

Этот предмет студенты гидрофака проходили на первом курсе института. Ходили по студенческому городку с геодезическим оборудованием группами. Девушки стояли возле вешек, стараясь держать их точно по вертикали, а парни смотрели в глазок тахеометра и записывали в тетрадки показания. Иногда девушкам тоже разрешалось «поглазеть» в прибор. Было очень забавно. Главной обязанностью девушек в этом процессе являлась обработка данных замеров и составление топографических карт. Очень скрупулёзная работа, требующая много времени, усидчивости и умения хорошо чертить.

В помощь Ольге на стройучастке выделили высокого красивого разнорабочего Костю. Он носил массивный штатив, рулетку, трегер и держал вешку совершенно безропотно и даже с энтузиазмом. Был очень жизнерадостным и общительным. В детстве один из мальчишек большим камнем разбил ему череп так, что врачам пришлось вставлять титановую пластину. В селе уже был подобный случай, когда в результате драки одному парню нанесли такой же тяжести травму головы. То ли пластина стояла неудачно и больно, то ли ещё по какой-то причине, но тот парень наложил на себя руки. А Костя жизнь свою любил. И маму, родившую и воспитавшую пятерых детей.

– Хоть папа наш и ушёл, у нас всегда всего было в достатке, – рассказывал он по дороге на участок. – Мама дорогие вещи брала в кредит и расплачивалась за них частями. У нас и мебель хорошая, и телевизор, и магнитофон – всё есть!

Мама Кости работала поварихой и готовила так вкусно, что всегда хотелось добавки.

Ольга вечерами, после работы, наносила на ватман топографические замеры, затем соединяла плавными линиями одинаковые высоты и любовалась полученной картой. Но понять её не могла.

Уехала в город с мечтой о работе с детьми и молодёжью в Горкоме комсомола.

Не взяли....

Устроилась на работу по специальности в Управление ОС, а оно как раз получило заказ на строительство орошения в её родном селе. Вот только геодезистов нужно было нанять...

– Не надо никого нанимать! – обрадовала начальника Ольга. – У меня уже есть готовая карта этого участка!

– Ну, тогда и займись разработкой проекта, – доверили ей.

Ольга развернула на столе свою карту, но так и не смогла понять по ней – на какой же стороне участка нужно уложить трубы? Кажется, по левой от водозабора...

– Вся область надо мной из-за тебя смеётся! – обрушился на неё с гневным криком обычно спокойный и немногословный начальник, вернувшись с совещания в Облисполкоме. – «Решил реки вспять повернуть!»

– Что случилось? – ошарашенно прижалась Ольга к стене коридора.

– Трубы на твоём участке нужно было по правой стороне от водозабора класть!

Работяги размонтировали уже уложенный трубопровод, перетащили металлические трубы на другую сторону участка, но система и так не распределяла воду, как было нужно.

Ольга уволилась и перешла на работу в производственный отдел крупной ПМК.

– Тебе нужно было трубы просто посредине участка проложить, – посоветовал ей в очередной приезд в родное село тракторист Давыд. – И не пришлось бы тогда мужикам их зазря из одного конца в другой вручную перетаскивать!

Ольга только рот от удивления открыла: а ведь он прав.....

Давыд был простым парнем, без высшего образования, носил имя отца и женился на соседской девушке, с которой дружил с раннего детства и вместе ходил в школу.

Отец играл на скрипке и имел пятерых сыновей и дочь. Двое из братьев организовали в клубе вокально-инструментальный ансамбль. Каждые выходные под звуки их музыки молодёжь со всех сельских улиц собиралась на танцплощадке. И даже из соседних сёл приезжали на мотоциклах с колясками.

Из всех братьев больше всех в селе любили Сашу. Он не только играл на гитаре и синтезаторе, но и прекрасно пел.

Все песни, звучащие по телевидению и радио, можно было услышать в его исполнении в сельском клубе в степях Казахстана. А некоторые даже никогда и не звучали с экрана: он сочинял их сам.

В крупной ПМК работать было намного легче. В обязанности Ольги входила проверка отчётов прорабов, составление смет и всякая другая «бумажная» работа. По совместительству выполняла и обязанности инженера по технике безопасности. Рабочий стол её стоял напротив стола экономиста Ирины Владимировны – яркой женщины среднего возраста, с тонкой талией, звонким голосом и стремительной походкой. С эстетическим вкусом она каждый день тщательно подбирала одежду, обувь и украшения, чтобы подчеркнуть все прелести своего лица и фигуры.

Ольга засматривалась на её перстни, подвески и серьги из золота и натуральных камней: красного рубина, голубого топаза, зелёного изумруда.

– Это вам муж подарил? – спросила она однажды Ирину Владимировну, засмотревшись на ее очередные серьги с крупными камнями.

– Ха, муж! – резко рассмеялась та. – Долго бы ждать пришлось, пока он надумал мне что-то подарить! Всё норовил на моей шее посидеть, да не вышло!

Ирина Владимировна получала хороший оклад, но всё равно каждый день после работы ехала на дачу и выращивала там картошку, помидоры, огурцы, лук, чеснок, малину, крыжовник, красную и чёрную смородину. Закатывала на зиму банки с салатами и вареньем, настаивала домашние наливки, излишки продуктов продавала на городском базаре. На 50-летний юбилей она пригласила коллег в свою 3-х-комнатную квартиру и накрыла шикарный стол.

– Жаль вот только, – закончил свою поздравительную речь главный прораб, – что за все эти годы никто из нас так и не смог испортить твою фигуру!

Сидящие за длинным столом мужчины опустили головы.

– Идиот! – ворвалась однажды в кабинет разъярённая Ирина Владимировна.

– Что случилось? – спросила сидящая за столом Ольга.

– Серёжка мой из армии вернулся и хочет, чтобы я ему его сберкнижку отдала! Ему, видите ли, носить нечего! За два года из всех вещей вырос!

– Но это же его сберкнижка, – подала было голос Ольга.

– Тысячу рублей – на джинсы и батник! Я не для того ему эти деньги копила!

– А для чего? – втянув голову в шею, тихо спросила Ольга.

– На машину! Думала, что будет мне вёдра да сумки с дачи возить!

– Но вы же видите какая сейчас инфляция! Этих денег даже на «Запорожец» не хватит! Не то, что ещё полгода назад!

– Не отдам! Спрячу пока что сберкнижку в рабочий сейф!

Сергей ушел от матери и начал работать на стройке разнорабочим. В общежитии познакомился с девушкой, женился и стал отцом двоих детей. Рубли поменяли на теньге.

Очень быстро инфляция поднялась так высоко, что бывших 1.000 рублей не хватало даже на то, чтобы купить обычный дезодорант. Ирина Владимировна очень быстро, как-то враз, постарела. Стала медленно ходить. И разговаривать меньше и тише. Помирилась с сыном и все продукты с дачи везла его семье.

Борис Губерман

С ТАКОЙ, КАК ТЫ, НЕ РАССТАЮТСЯ

С такой,
Как ты,
Не расстаются,
Не делятся,
Не отдают,
С такой, как ты, не расстаются,
А берегут.
За всё:
За преданность
И верность,
Круженье мыслей
И мечту,
С такой, как ты, не расстаются,
Поскольку нет второй,
Как ты.
Здесь можно написать поэму,
Сложить слова в привычный слог,
А можно не писать,
А слушать
Иль понимать тебя без слов.
С тобою можно,
Можно,
Можно
Весь мир объять,
К чему мне мир,

Когда есть ты,
Ты близко,
Рядом
И хочется тебя обнять.
Нет слов тебя всю описать
И рассказать тебя словами,
Поскольку ты,
Моё явленье,
Гораздо лучше всяких слов.
Послушай,
Есть одна загадка,
В ней ты
И лучше нет тебя,
Мои ответы:
В щёчку,
В щёчку,
Чтоб лучше разгадать тебя.
И я с огромным диссонансом
На всё согласный,
Как малыш,
Готов весь мир перед тобою,
Как горсть цветов, тебе дарить.

Александр Василенко

ДЕТИ КАИНА

Кажется, живой, – протиснулась в сознание мысль. В глазах двоилось, стены каюты колыхались в тошнотворно-зелёном мареве, а запах горелого металла, похоже, пропитал всё мироздание. Великолепный красавец звездолёт «Харон», класс «невидимка», сделал всё возможное и невозможное, чтобы спасти их от верной гибели. Корабль использовал единственный шанс из тысячи, и вот они выпрыгнули возле звезды, которая находится на периферии обжитых миров, в галактическом захолустье. А ведь могли и не… Клим Сангеан вздохнул. Что делать, такая у него профессия – рисковать собой, чтобы население Федерации могло спать спокойно. Дальняя разведка – нормальное занятие для таких, как он, парней с элитным доминантным генотипом «Фрэнк Суматра», без права на наследство.

Планета с кислородной атмосферой, до которой Климу удалось довести своего красавца, с первого взгляда выглядела неплохой и девственно дикой.

Звездолёт, получивший серьёзные повреждения, принадлежал к модели самовосстанавливающихся кораблей, но для регенерации ему необходимы уцелевшие системы. Чем больше, тем лучше. Чтобы помочь старине «Харону» быстрей зализать свои раны, Клим решил пожертвовать системами жизнеобеспечения пилота и на какое-то время покинуть корабль.

Единственная уцелевшая спасательная шлюпка приняла разведчика в своё спартанское нутро и стартовала. Крошечный катерок работал исправно, в атмосферу они вошли по расчёт-

ной траектории, и компьютер уже подбирал подходящее место для посадки, как вдруг мощный В-импульсный удар сжёг на шлюпке всю электронику. Лишь ручное управление откликнулось на лихорадочные действия Сангеана. Поздно... На такой малой высоте переход на него бесполезен. Кто-то действовал наверняка.

И всё-таки пилот посадил шлюпку. То ли Его Величество Случай вмешался, то ли возможности генотипа «Фрэнк Суматра» показали себя в форсмажорной ситуации с наилучшей стороны, но Клим Сангеан, живой и невредимый, благополучно сел на единственно приемлемое место в бескрайних джунглях планеты. Пилот распаковал прилагающийся к катеру контейнер «Робинзон». Импульс оказался исключительно мощным: бластер, электронный доктор, радиостанция и масса других нужных и важных вещей превратились в электронный лом. Шансы Клима когда-либо вернуться на звездолет резко устремились к нулю. Приведший себя в порядок «Харон», конечно, смоделирует новую спасательную шлюпку. Только вот как связаться с кораблём?! И потом, этот неизвестно откуда свалившийся В-импульсный удар...

Пила, нож, бинокль, устройство для получения крахмала из растительности, таблетки для обеззараживания воды да набор витаминов – вот и всё его богатство. Ну и боевая сверхпрочная униформа дальразведчика, способная сослужить службу даже без электроники. Сангеан упаковал этот нехитрый скарб в рюкзак, тщательно замаскировал шлюпку, облачился в униформу и двинулся в сторону залива. Тропический лес – место опасное. Не успел Клим пройти и ста шагов, как его атаковали. Зелёная змея цвета лианы плюнула ему ядом в глаза. Пришлось потратить драгоценную влагу из фляжки, чтобы

смыть со стекла шлема липкие брызги коричневой жидкости. Джунгли сразу же выказали своё недружелюбие пришельцу.

Сангеан знал, что надо идти размеренно, неторопливо, экономя силы. Получалось плохо. Приходилось где перелезать, где проламываться через сплетения тропической флоры, постоянно проваливаться в ямы, натыкаться на всевозможные колючки и сучья. Без боевой униформы пришлось бы ему худо.

Ночевал он на дереве, пристегнувшись к одревесневевшему стволу лианы. Ночь в джунглях протекала беспокойно. Темноту пронзали чьи-то истошные вопли, через него то и дело переползали какие-то змееподобные твари.

Утром, едва Клим спустился с дерева, на него снова напали. На этот раз им попыталась закусить похожая на леопарда тварь. Униформа опять не подвела – неприятный металлический вкус ткани и бронированный кулак, попавший зверю в ухо, отбили у него охоту продолжать борьбу.

Потом были ещё две мучительные ночёвки на дереве, и только к середине четвёртого дня измотанный Сангеан вышел к берегу залива. Сюда-то, вероятно, и собирался посадить шлюпку компьютер, если бы не вмешалась чья-то злая воля.

Перед Климом простиралась сверкающая гладь океана. Вдали водная поверхность сливалась с небом, горизонт пропадал в нежной дымке. Направо, насколько видел глаз, тянулся бесконечный золотистый пляж. Налево берег круто уходил вверх, и в зарослях над обрывом что-то блестело.

Клим отступил в тень, навёл бинокль на заинтересовавший его объект. Окружённые тропической зеленью, над обрывом просматривались какие-то строения. На крыше одного из зданий – тарелка космической связи с латинскими буквами.

Земляне! Вот тебе и необитаемая планета! Его робинзонада, едва начавшись, благополучно завершилась! Сейчас он доберётся до этой базы, где ему дадут приют, ну и, конечно, извинятся за то, что нечаянно едва не прикончили его, опытного галактического разведчика.

Сангеан повеселел, поправил рюкзак и двинулся в сторону жилья. Солнце, стоявшее в зените, жарило вовсю. Запас воды кончался. Нестрашно. Через четверть часа он напьётся и примет душ.

Строения окружал серый трёхметровый забор, по верху которого тянулась колючая проволока на изоляторах. Вдоль забора – полоса выжженной земли. Перед массивными воротами полоса голой земли расширялась, образуя полукруглую площадку.

Клим направился к воротам. Едва нога коснулась выжженной почвы, как в глаза полыхнули прожектора, и страшный удар сбил Сангеана с ног. Если бы не боевая униформа, быть ему покойником.

Угостили лазером, – подумал Клим, приходя в себя. Весёлое местечко... Кого они здесь боятся? Он встал, отошёл на безопасное расстояние и принялся кричать на всех известных ему языках. Потратив полчаса и сорвав голос, Сангеан прекратил это занятие. Похоже, здесь сейчас никто не живёт. Допив остатки воды, он двинулся по периметру этого неприветливого оазиса цивилизации. Полоса голой земли, забор с колючей проволокой и везде прожектора. Угрюмая, неприступная крепость.

Робинзонада, увы, продолжалась. Нужно было срочно позаботиться о пресной воде, да и вообще как-то обустраиваться на этой милой планете.

В лесу Клим нашёл родник с илистым, почти чёрным дном. Рядом с ним, на раскидистом дереве, он соорудил для себя помост и сплёл из лиан нечто, похожее на гнездо.

Солнце светило вовсю, но то, что буйные тропические ливни не заставят себя долго ждать, Сангеану было очевидно, и перспектива эта не радовала..

После того, как Клим отпилил на своём дереве несколько крупных веток, база стала видна как на ладони. Внешне она походила на пресловутые дачи древних олигархов. В бинокль хорошо просматривались крепкие нарядные домики, бассейны, гаражи, посадочные площадки, декоративные деревья, ухоженные газоны, по которым ползали роботы-газонокосильщики. Идиллия. Компьютеризированный зелёный рай. Точнее, крепость. Крепость «Зелёный рай»! Судя по всему, наведываются сюда хозяева нечасто. В их отсутствие В-импульсный излучатель встречает непрошеных гостей с неба, а лазеры – диких животных из джунглей... Придётся набраться терпения и ждать, когда появятся обладатели этого рая. Вот только хватит ли у него витаминов и таблеток для обеззараживания воды? Да и долго питаться чистым крахмалом без жиров и белков – удовольствие ниже среднего. Кругом, правда, полно всяких мелких тварей, но употреблять их в пищу опасно: любой местный белок может оказаться ядом для чужака.

Хозяева «Зелёного рая» прилетели через неделю. Повезло, – подумал Сангеан, выбираясь из своего гнезда.

Он долго кричал перед закрытыми воротами. Потом бросал камни, свистел и даже умудрился опять подлезть под удар лазера. Никто не отозвался. Шумоподавители у них, – с горечью констатировал Клим. Стопроцентная звукоизоляция. Здоровьице приехали поправлять, гады...

Тем не менее, каждый день, как на работу, он приходил к воротам. Орал, свистел и кидал камни. После бесплодно проведенных часов возвращался в джунгли, залезал на вершину дерева и с всё нарастающим раздражением наблюдал в бинокль за «Зелёным раем».

А там веселились вовсю. Особенно вечерами. Едва наступали сумерки, зажигались разноцветные огни, гремела музыка, прилетевшие сибариты пили, ели, танцевали на террасах, купались в бассейнах, занимались, не стесняясь друг друга, любовью на газонах.

В один из вечеров Клим в надежде, что его, наконец, заметят, развёл большой костёр, для чего весь день собирал сушняк. Тут же прилетел миниатюрный дрон и кинул противопожарную бомбу. На то он, Сангеан, и дальний разведчик: завидев летающую игрушку, щучкой сиганул в кусты. А то стоял бы сейчас в виде сосульки. Жидкий азот – вещь серьёзная!

Неужели они никогда не выходят из своей крепости, – недоумевал Клим. Стоило лететь бог знает куда, чтобы сидеть взаперти, купаться в бассейне и пить коктейли на террасе? Хотя кто их поймёт, этих супермиллиардеров?! Вон они – танцуют на площадке. Цвет человечества. А что в них цветистого-то? Только и того, что прямые наследники доминанты, в отличие от тебя, индивида без права наследования... Дрыгают ножками, собаки, сборище «нуворишей, свинорылых спекулянтов и дорого одетых блядей», как когда-то говорили про таких. Когда-то... А теперь – нет! Теперь это знатные красавцы и красавицы с отличным здоровьем, превосходным интеллектом и безукоризненной родословной. И вполне возможно, что есть среди этой знати кто-то с генотипом «Фрэнк Суматра» – его генетически кровный брат.

Как только генетики научились конструировать и контролировать генотип человека, сразу же были предприняты попытки создать образцы эталонных мужчин и женщин. Получилось. Появились мужские наборы генетического материала с ультрадоминантными характеристиками. Теперь любая женщина могла родить суперздорового, суперкрасивого и суперталантливого ребёнка. Хотите мальчика – пожалуйста, хотите девочку – берите! Тысячи вариантов на выбор. К этому моменту только всякое отребье зачинало детей старым способом. Приличные люди отказались от естественного размножения. И началась коммерция. «Платите деньги и покупайте блестящее будущее для ваших детей!» – кричала реклама. Вскоре возникла проблема наследования, и чтобы детки не передрались из-за наследства владельцев генотипа (были, были такие прецеденты), права на него тоже стали продаваться. Третья, четвёртая, пятая категория наследования. Разумеется, не за красивые глаза. «Платите деньги»! Брак в эпоху «нового человечества» потерял своё прежнее значение. Мужчина в семье – это отец-воспитатель. И всё. Когда Сангеан вырос, то узнал, что заработок его родителей, простых служащих известной и могущественной корпорации, позволял приобрести для своего ребёнка любой, даже самый модный генотип, но только без права наследования. Общество быстро распалось на касты, одновременно превратившись в гигантскую единокровную суперсемью...

Дни шли своим чередом. Наконец, один из обитателей «Зелёного рая» собрался на охоту. Медленно распахнулись тяжёлые ворота, и шикарная, открытая, легко передвигающаяся по воздуху и суше платформа выплыла из крепости. Охотник в наушниках, напыжившийся, как индийский божок, восседал в центре платформы, сжимая в руке джойстик, а вокруг него

вились дроны, похожие на модели из детского набора. Только были эти игрушки далеко не столь безобидны.

Клим затаился в кустах у выхода из леса и, когда стихли выстрелы, и стайка дронов, опередив охотника, вернулась в крепость, выскочил на дорогу. Он встал на пути платформы, раскинув руки и широко расставив ноги.

Охотник всё в том же положении индийского божка сидел в кресле и, прикрыв глаза, слушал музыку, качаясь ей в такт. Грузовая часть платформы была завалена трупами леопардоподобных кошек, каких-то существ, напоминающих небольших обезьян, и мелкими трупиками других обитателей джунглей. Не заметив Сангеана, охотник проплыл над ним и скрылся за воротами крепости.

До самого вечера Клим сидел на своём дереве, наблюдал за праздником, который общество сибаритов устроило добычливому охотнику, и предавался отчаянию. Всё пропало, эти твари скоро улетят, и ему придётся здесь банально загнуться. Ему, лучшему разведчику, сумевшему выжить на пяти планетах в окружении далеко не всегда дружелюбных аборигенов.

Но никто из «Зелёного рая» улетать и не думал. Через несколько дней очередной обитатель крепости вновь выбрался на охоту. Платформа медленно плыла над джунглями, и Климу удавалось красться незамеченным на сравнительно небольшом расстоянии от охотника и его своры дронов.

В мире непуганой живности человеку, вооружённому такой техникой, охотиться предельно просто. Дроны найдут дичь. Пригонят к охотнику. Стреляй – не хочу...

На память Климу пришли описания охоты влиятельных политиков из кровавых империй, бесславно канувших в лету. Егеря привязывали к ветке птиц, к дереву кабанов, а выжив-

шие из ума старпёры только и делали, что давили на спусковой крючок.

Охотник завалил очередного красивого и мощного зверя, который, истекая кровью, заполз под извилистый корень дерева-гиганта. Дрон добросовестно возился с добычей, но достать ее все никак не мог. Обитателю «Зелёного рая» это надоело, и он неспешно, словно участвуя в некой торжественной церемонии, выбрался из пилотского кресла. Прилизанная копия Клима по автоматически развернувшемуся трапу спустилась на землю и направилась на помощь роботу. Едва «Фрэнк Суматра» покинул платформу, как в её пилотское кресло бесшумно, одним махом, влетел Сангеан.

– Хэлло! – воскликнул он, и в ту же секунду дуло охотничьей двустволки уставилось ему в грудь. – А ну-ка, слезай!

– Погоди, – миролюбиво произнес Клим, – давай поговорим. Я дальразведчик. Потерпел крушение. Нуждаюсь в помощи. К тому же твой кровный брат. Генотип «Фрэнк Суматра»...

– Брат?! – изумился охотник. – Ты хоть сам понял, что сказал? Да ты жив ещё лишь потому, что мне жаль марать платформу твоими потрохами. Братья! Грязные завистливые макаки. Безнаследные плебеи, от которых нет проходу даже здесь, на никому неизвестной планете! Вон из кресла!!!

Лицо охотника налилось кровью и перекосилось от ненависти. Он сделал знак зависшим над платформой дронам-роботам. Один из них ловко, словно побитую дичь, зацепил Клима своими крюками. Сангеан пнул ногой джойстик…

Платформа резко пошла вниз. Раздался двойной выстрел, один из дронов разлетелся на куски, второй, разваливаясь, устремился на землю. Платформа, смяв по пути охотника, уткнулась в дерево. Седока выбросило наружу, и хотя Клим

успел привычно сгруппироваться, сразу же ощутил острую боль в боку. Сломал ребро, – понял он, осторожно, словно ядовитые колючки, отцепляя от костюма крючья робота, который «доживал» неподалеку последние минуты.

Охотник лежал рядом и глядел в небо остекленевшими глазами. Сангеан вынул из его рук ружьё и выстрелом разнёс вдребезги последнего уцелевшего дрона.

Лицо погибшего было светлым и умиротворённым. Образцовый экземпляр генотипа «Фрэнк Суматра». Брат. Единокровный.

– Брат, – сказал Клим, глядя на мёртвого и стараясь отключить засевшую в груди боль, – ты был не прав, брат. Разве не мог ты сказать мне: «Здравствуй, братишка! Рад видеть! У тебя проблемы? Может, помочь? Пошли ко мне, попьем чайку, потолкуем...»? Ведь были же времена, когда люди, пусть не все и не всегда, но всё же помогали друг другу...

Он пнул труп ногой.

«Где брат твой, Каин?» – пришли ему на ум библейские строки.

– Я не сторож брату своему... – прошептал он вслух.

Как же болит в груди... Только бы не отключиться... Эти расфуфыренные бездельники словно специально задумали его извести. Сначала В-импульс... Потом лазер... Теперь вот этот братец с пушкой... Ох, как же больно... Сволочи...

Хотя платформа лежала практически на земле, Клим с трудом вскарабкался на неё. Электронный врач, рация, синтезатор пищи! Живём! Когда боль после укола, сделанного электронным доктором, прошла, он снова вгляделся в знакомые черты лежащего.

– Ты, брат, был богатым и знаменитым, одним из тех, кто владеет миром, – словно к живому обратился к охотнику

Сангеан. – Ты и тебе подобные мнят себя богами лишь потому, что загребли в свои потные ручонки чуть ли не все блага мира. Избранники судьбы. Любимчики Фортуны. Наверное, и Авель вот так же достал когда-то Каина, и тот его приголубил... И с тех пор мы все – плоть от плоти, кровь от крови Каина. И спокойно мочим своих братьев, едва они начинают говорить нам, что они боги, а мы тараканы... Миллионы единокровных братьев, миллионы единокровных сестёр. Одиноки и абсолютно безжалостны друг к другу. Бессердечные винтики бессовестного общества. Моя профессия – рисковать своей жизнью ради людей, для которых я – грязная макака и плебей! А, вправду, кто я? Озлобленный пёс нашей свихнувшейся цивилизации?.. Ничего... Сейчас задействую передатчик, «Харон» отзовётся, и я сожгу дотла этот Зелёный рай вместе с его обитателями! И полечу дальше выполнять задания... которые мне дают такие же вот «боги»... Что ж. Пусть так! За Каина отомстится всего лишь всемеро...

Разобравшись с управлением, Клим задействовал джойстик.

Наверное наша цивилизация, – вдруг пришло ему на ум, ещё долго протянет, благодаря инерции, подобно древнейшим кровавым империям. Но, будучи сборищем бессердечных эгоистов, она развалится, как только большинство, подобно мне, решит, что Каин был прав. Развалится! Если, конечно, не случится чудо...

Ирина Яворовская

* * *

Человек без любви,
как река без воды,
без рулад соловьи
и без вкуса плоды.

Человек без любви,
как джигит без коня,
без стихов – Навои,
и очаг без огня.

Человек без любви,
словно небо без звёзд,
и без дел муравьи,
и без крепкости мост.

Никогда не коснуться
ему высоты,
не достичь воплощенья
заветной мечты,
не изведать восторга,
и счастья не знать,
не почувствовать, как
велика благодать…

* * *

Щёки вспыхнули огнём,
это милый улыбнулся,
и за веткой потянулся,
чисто вымытой дождём.

И вручил пахучий дар
ненаглядной щебетунье,
сердцу памятный всегда
пышной щедростью июня.

Сердце радостно зажглось,
в небе радуга возникла,
и, наверно, лучше мига
в это утро не нашлось.

Елена Кёрн

СЛАДКИЙ ПЕРЕПОЛОХ

Утро было на редкость прохладным для июля. Поскольку ночью прошел ливень. Но следов его уже нигде не было видно. Оставалась толика прохлады, которая уже к полудню испарится.

Солнце застенчиво заглядывало во французское окно еще закрытого кафе. Первыми пришли официанты, они всегда появлялись первыми и начинались расставлять пирожные и чашки на прилавок. Эклер открыл глаза и тут же чихнул.

– Апчхи. – Звучно вырвалось у него.

Официант и ухом не повел. Выставил после него шоколадное пирожное, песочное печенье и корзиночку с кремом. После этого закрыл коробку и с равнодушным видом пошел к другим в подсобку накачиваться утренним кофеем и трепаться о вчерашнем вечере.

– И это вместо приветствия? – возмутилось шоколадное пирожное.

– Ну, уж простите… Товарищ уже давно не махал тут тряпкой. И пыль клубится туманом, – пробурчал он.

– Да уж! – проскрежетало песочное печенье. – Совсем от рук отбились.

– А чего вы хотели? Посмотрите! В зале мышь повесилась. Хорошо, если один кто-то зайдет и сделает заказ, – опять возмутилось шоколадное пирожное.

– А ты хочешь много посетителей? Тогда первая же попадешь им на десертную тарелку. И под горячий кофеек, тамтарам, и тебя уже нет с нами, – проскрежетало песочное печенье.

– Ну, чуть больше посетителей не помешало бы, – вклинился в разговор эклер. – Может, товарищ тогда и тряпкой махал бы интенсивнее здесь. – Он не удержался и опять чихнул.

– Апчхи!

– А, по-моему, пыль тут не причем, – ехидно заметило шоколадное пирожное.

– А что причем? – тут же насупился эклер.

– Опять дискутируете? – проскрежетало песочное печенье.

Тут дверь кафе открылась, и в кафе вошла компания молодых людей. Они встали перед витриной пирожных и принялись обсуждать – что купить. Собеседники напряглись. Но компания решила обойтись холодным соком. Получив заказ, они расположились недалеко от витрины.

– Вот тебе и посетители. Чего ты к ним не рвешься? – проскрежетало песочное печенье, обращаясь к пирожному.

Последнее только фыркнуло.

– Не солидные они какие-то. Не мой уровень.

Бедный эклер от такого заявления поперхнулся.

– А кто твоего уровня? – решил он уточнить.

– Ну-у-у... – протянуло пирожное. – Они должны быть посолиднее, – решило пирожное и закатило глаза.

– Уф, – только и сказало песочное печенье.

– Да уж, – поддержал его эклер.

Дверь опять открылась, пропустив внутрь очередных посетителей. На этот раз ими оказалась пожилая пара. Они тоже немного посмотрели на витрины и заказали себе легкий салат и освежающий напиток.

– Вот тебе «солидные» пришли, – усмехнулся эклер.

– Тоже мне сказал: «солидные»... – опять фыркнуло пирожное. – Уровень этих посетителей – песочное печенье.

– Попрошу без оскорблений! – возмутилось печенье. – Чем тебе мой уровень не нравится?

– Ты хочешь потягаться со мной? – усмехнулось шоколадное пирожное.

– Хочу! – в запале с вызовом проскрежетало печенье.

– А вот и не подеретесь, – хмыкнул эклер, находившийся между ними.

– Как это ты здесь оказался? – удивилось пирожное. Оно за спором не заметило, как приходил «товарищ» и опять перетасовал их. Эклер только закатил глаза от такой невнимательности.

За этими разговорами время пролетело незаметно, и наступил полдень. Кафе заполнилось посетителями, витрина присмирела и внимательно рассматривала их.

– Ну что, выдохлись? – зевая, обратилась к остальным корзинка с кремом.

– Что-то их много сегодня, – дрожащим голосом сказало шоколадное пирожное.

– Нам-то что?.. – опять зевнула корзинка.

– Да-а-а, – протянуло пирожное. – Вдруг… и все, – сделав огромные глаза, прошептал оно.

– Да кому мы нужны?.. – снова зевая, хмыкнула корзинка.

– Мы же муляжи. Выставочный материал. Каждый день одно и тоже. И не надоело вам?.. – бурчала корзинка, снова засыпая.

Борис Губерман

ТАИНСТВА ПРИ СВЕЧЕ

Горит свеча,
Она в тон нашей встречи,
Она от пламени,
Когда горит фитиль,
Здесь, главное,
Чтоб жизнь не уходила
И жизнь не забирала у меня.
Горит свеча,
А в ней горят мечтанья,
Они нагрянули всей жизненной волной,
Неувядаемо горит по настроению
Моя звезда,
Прикинувшись свечой.
Где истина?
Разгаданная тайна?
Под этот пламень можно говорить
О том,
Что душу,
Душу открывает,
И чтобы пламя показало суть.
Я представляю встречу пред свечою,
Когда с тобою вместе мы вдвоём
Загадываем исполненье тайны,
Поскольку в тайне,
В тайне наша суть.

Нам хочется уйти подальше в ночь,
Чтоб при свече загадывать рассветы,
А суженный?
Ты вряд ли мне ответишь,
Поскольку вместе рядышком сидим.
Горит свеча,
Она нас озаряет,
Поближе к краю глаза вижу тень,
Она – мечта,
Давай мы загадаем,
Исполнится ль?
Так значит быть вдвоём,
И значит не напрасно навевало
Мечту в том пламени,
Горящей в тон свече.

Жанна Наварр

ЗАПИСКИ ЖАННЫ
ЧЁРТОВ ПАЛЕЦ

В этот раз все началось с имени Святослава. Поиски по имени именно женского рода не дали результатов. Но почему Святослава?

«Когда это было?» – задаюсь вопросом.

«10 тысяч лет назад», – тут же получаю ответ.

Ух ты, куда занесло. Замираю, закрываю глаза и… вижу себя в русском сарафане да кокошнике – и зовут Святославой... меня. Есть подруженьки – хоть они и из того времени, но я четко определяю кто же они сегодня и где; да-да, именно так! Приходим мы в мир, как грибочки в корзинке, подобранные друг к дружке – по годам, воплощениям, обстоятельствам. Не обязательно мы должны быть связаны родственными узами, просто однажды наши пути в какой-то точке сходятся, и вот тогда приходит понимание, что мы больше, чем просто знакомые. Ощущается это интуитивно. И если происходит разрыв, то на душе становится больно – будто от тебя самой отрывают кусочек собственной плоти. Но бывает и так, что отношения – пусть и не близкие – в вялотекущем режиме длятся до бесконечности.

Как-то я очутилась в одном старинном монастыре в Германии. И оказалась вроде бы случайно – хотя на самом деле случайности совсем не случайности, и не стоит к ним так относиться. На ту пору я только начинала свои изыскания – чего? Истины, собственной природы и, конечно, корней. Я размышляла о том: как же так – надо было покинуть Россию,

чтобы вдруг с головой окунуться в изучение русского языка, истории и традиций своего народа. Почему-то мне казалось, что в ближайшее время я должна отправиться ни куда-нибудь, а в путешествие на Север, до Красноярска – я была уверена, что найду там правду…

Прошли годы, а из памяти поездка в монастырь никак не выходит, нет-нет да и возвращаюсь к ней, и она заставляет размышлять о тех днях, искать ЧТО-ТО. Как нередко бывает: ищешь-ищешь, но не знаешь что же именно, – только есть надежда, что однажды натолкнешься да воскликнешь – вот оно, то, что ускользало тонкой нитью, но теперь кончик ее в моей руке. Конечно, то еще не *знание* и даже не *уверенность*, что оно где-то близко, а лишь ощущение: ты что-то нащупал, и теперь необходимо потянуть за ниточку, чтобы размотать и сам клубочек с историей.

Тогда – в том старом монастыре, я, наверное, впервые познала, что такое место силы. Нет, превращений или чудес не произошло – я впала в ступор, абсолютно не понимая, что происходит – перед внутренним взором мелькали картинки – это было сродни распознаванию на каком-то ином – не физическом уровне, на плане ментальном?.. Однозначно – это место по какой-то причине было мне близко. Лишь потом я узнаю, что тут когда-то жили славяне…

Это сегодня Германия многими воспринимается как исконно немецкая земля, но так было не всегда. А о славянах ныне напоминают топонимы, пусть и в слегка измененном виде, но сохранившиеся до наших дней. Да и сам Берлин построен в общем-то на территории бывших славянских деревень.

Еще в эпоху «великого переселения народов» в IV–VII веках славяне заняли опустевшие полабские и южнобалтий-

ские (поморские) земли, откуда в свою очередь – на юг мигрировали германские племена. Славяне переселялись с территорий современных Чехии, Словакии и южной Польши. В этот период Европа переживала по истине «славянский бум». Некогда малоизвестные славяне за короткий срок расселились на западе до низовьев Эльбы (Лабы), на юге заняли весь Балканский полуостров, а на востоке дошли до низовьев Днепра и среднего течения Волги. Славяне расселялись племенными союзами, строили укрепленные пункты, занимались ремеслами, земледелием и торговлей. К слову, на севере Германии есть несколько этнографических музеев под открытым небом, которые ныне представляют собой реконструированные славянские поселения времен средневековья.

Восточную часть Германии населяли лужичане или лужицкие сербы. Они сохранили свою культуру по сию пору. Лужичане имеют свою автономию в земле Саксония. А когда-то лужичане занимали территории нынешней Саксонии, южной части Бранденбурга и западной Тюрингии. Главными поселениями лужицких сербов были Липск (Лейпциг), Дроздяны (Дрезден), Каменица (Хемниц) и Хошебуз (Котбус).

Лютичи, или Вильцы, проживали к северу от лужицких сербов и занимали земли между Эльбой (Лабой) и Одером (Одрой). Это территории Бранденбурга и Передней Померании. Центрами племенного союза были города Ретра и Аркона. Из других наиболее известных поселений Бранибор (Бранденбург), Славик или Подступим (Потсдам), Росток, Вишемир (Висмар) и Зверин (Шверин).

Бодричи или Ободриты – самый западный союз полабских племён. Союз объединял бодричей, вагров, полабов, глинян, смолинцев, варнов и древан. Бодричи расселились в низовьях Эльбы (Лабы). Это современный Шлезвиг-Гольштейн. Цен-

тром ободритов был город Рерик. В 808 году он был разрушен датчанами и больше не восстанавливался. Из других населённых пунктов можно выделить Старигард (Ольденбург-ин-Гольштейн), Любице (Любек) и Велеград (Мекленбург).

Интересны немецкие города, имеющие именно славянские корни. Любек – Любица; Франкфурт-на-Одере – Слюбице; Баутцен – Будишин; Гёрлиц – Горелец; Эрфурт – Яроброд; Ратцебург – Ратибор; Висмар – Вышемир.

В 843–919 гг. соперником западных славян стало Восточно-Франкское королевство. Немецкое господство начало распространяться на славян поэтапно. В начале местные феодалы подпали под влияние немецкой культуры. В это же время к славянам направляются христианские миссии. Некоторые славянские князья принимают христианство, но христианизация всего населения происходит гораздо позже. С середины IX века славяне ведут с немцами постоянные войны. Несмотря на то, что немцы не добились серьезного военного успеха, они зачастую действовали хитростью, а именно – подкупая славянские элиты.

В 1002 году западнославянские земли стали ареной борьбы Польши и Священной Римской Империи. В истории противостояния немцев и славян был даже «Крестовый поход» 1147 года. «Вендский крестовый поход» длился три месяца. В земли Вендов тогда вторглись несколько тысяч немецких, датских и польских крестоносцев. Венды уступали «крестоносцам» в военной силе, а потому избегали открытых сражений, укрываясь в своих крепостях или скрываясь в лесах и болотах. Результатом «крестового похода» стало обложение данью местных славянских князей и установление некоторых епископств. После включения части славянской элиты в структуру Священной Римской Империи славянские земли

стали заселяться немецкими колонистами. Постепенно славяне стали этническим меньшинством, ассимилировавшись в немецкой среде.

...Тогда, при поездке в монастырь, меня особенно впечатлило огромное дерево – вероятно, древнее и видавшее как самих славян, так и их противников, а еще олень на гербе. По славянскому родноверию олень – это образ Рода, а оленихи – Рожаницы.

Святослава…

В те смутные времена отец мой Доброслав слыл отважным воином, именовали его богатырем. Воевали наши с недругами, отстаивали родную землюшку. Конфликт следовал за конфликтом, а может быть, и один (изначальный) не имел своего завершения – и то затухал, то с новой силой разгорался. Доброслав был божественного рода, а потому не каждый мог его одолеть. А может, и не один он таков был – знамо мне всё лишь по рассказам, слишком мала была на ту пору, о коей сейчас ведаю.

Дивное то было общество – по нашим меркам, цивилизованное и вместе с тем к природе-матушке приближенное, чувствующее дух ее и живущее с нею в гармонии. *Вижу* домики, улицы мощенные – за околицей озеро широкое, вода нем голубезная. Счастьем расцвечены лица рода человеческого. Боги и люди вместе живут – в добре и благости.

Доброслав женился на обычной девушке, но стоило лишь народиться дитяти у счастливых родителей, как вновь закипели страсти и объявлен сбор на баталии военные. Уходил в дальний путь Доброслав биться с ворогом, а его молода жена, слезы проливаючи, оставалась ждать возлюбленного.

Вышло так, что задержались в походе воины, оставив город и его жителей без своевременной поддержки да защиты.

Применил тогда противник хитрость ярую – знал коварный чем возможно посильнее ранить Доброслава богатыря, коль ни меч, ни булава не берут его, то подговорили колдунью по имени Камилла навести морок на людей и наслать огонь на селение. Сколько погорело тогда – сказать затруднительно, но не стало супруги Доброславовой. Унес огонь и ее душу. Возвратился богатырь, заметался по улицам будто зверь раненный. Да только поправить что-либо было уже не по силам.

И снова стал он сбираться в дальний путь – призывал его долг воинский, но уходил он тепереча в одну сторону, биться намеревался до последнего вздоха. Передал он дочь-кроху в семью добрую, где воспитывали ее славы отца достойной. А вот где и в каких сражениях сгинул Доброслав – то осталось уже неведомо.

Вскорости и Святославы черед настал защищать город от недругов, дочь земной женщины и могучего божественного отпрыска обладала дюжей силой и умениями. Предполагала сражаться она, коль понадобится, за отца и мать, да за своих соплеменников. Но однажды… налетели, будто саранча, корабли вражьи, и не по воде прибыли, а по воздуху. Заполонили они небо, что стало оно иссиня-черным вместо лазоревого. Заполыхали дома и улицы от обрушившегося шквального огня, побежали люди сломя головы. Вышел впереди них старейшина, протрубил в рог и приказал уходить в горы. Рванула было Святослава в бой, да только что она могла одна против армады вражеской?

«Это не твоя задача! – грозно произнёс он. – То битва богов, и нам в ней не место!» Глянула Святослава в небо – загудела земля, отозвалась эхом, обернулась девушка на сородичей. Уходили люди в недра подземные…

«Где ж то было?» – шепчу.

«Шушуны», – получаю ответ.

По древнеславянской буквице расшифровываю значение Шушунов: «Свобода через взаимодействие в пространстве, где связаны друг с другом, только так осуществится процесс становления в единое целое, когда один родовой поток будет равнозначен другому родовому потоку».

«Что ж впереди? – задаюсь вопросом. – Жизнь под Землей, в другой реальности?..» На это еще стоит отыскать ответ. А вот Шушуны нашла – около… Красноярска, и станция Шушун, и гора одноименная. Оба вместе Шушуны!

Ну что ж – добавлю сенсацию. Когда задаешься поиском, то высшие силы всегда в помощь – за что благодарю сердечно. Шушуны расположены в Берёзовском районе, в непосредственной близости к Красноярску. Центр района – Березовку и столицу края связывают всего три километра. Территория района занимает местность по правому берегу Енисея. Величественные отроги Восточного Саяна окружают «Красноярские столбы» – природный заповедник, протянувшийся на 34 километра. Говорят, что, глядя на «Столбы», с трудом верится, что это творение природы, а не рук умелого скульптора. Кажется, что выполнены они из пластилина или же глины. Имеют сглаженные стороны, хоть и незаметно, что подвергались механической обработке. Всего на территории заповедника около ста таких возвышенностей. За причудливые очертания им присвоили говорящие названия: «Китайская стена», «Ермак», «Беркут», «Митра», «Волчий лоб», «Монах», «Грешник», «Пагода», «Колокольня», «Слоник». Живёт тут и целая каменная семья: «Прадед», «Дед» с чёткими чертами лица седого старца, «Бабушка» и «Внучка». А гора «Перья» похожа на оперение гигантской птицы. Причём имеют они

вертикальную направленность, и абсолютно непонятно, что и как их скрепляет.

Согласно легенде, на этом самом месте некогда жили огромные титаны в каменных домах. Но не поделили они что-то между собой, и развязалась битва. Погибли все, и город разрушили. А камни – так это останки строений и самих титанов. Есть там, кстати, и свой «Чёртов палец». Он большой и остроконечный, торчит из земли и указывает на небо.

Эту зону местные считают местом силы. Говорят, что скала к тому же оказывает влияние на психику и даже изменяет законы физики. Есть и такое предположение: «Красноярские столбы» – уникальный мир, имеющий прямую связь с космосом и его обитателями…

Хм, с теми, что ушли под землю?..

ॐ

МАНДАЛЫ

Практики на основе мандал

Мандала – это геометрический символ сложной структуры, который интерпретируется как модель Вселенной, «карта космоса». Типичная форма – внешний круг, в нем квадрат, в который вписан внутренний круг, он часто сегментирован или имеет форму лотоса. Внешний круг – Вселенная, внутренний круг – измерение божеств, бодхисаттв, будд. Квадрат между ними ориентирован по сторонам света.

Мандалы могут быть как двумерными, изображенными на плоскости, так и объёмными, рельефными. Их вышивают на ткани, рисуют на песке, выполняют цветными порошками и делают из металла, камня, дерева. Её даже могут вырезать из масла, которое окрашивают в соответствующие ритуальные цвета. Мандалы часто изображают на полах, стенах и потолках храмов. Мандала является настолько священной на Востоке, что рисуется под аккомпанемент особых ритуалов и сама может считаться объектом поклонения. К концу ритуала сделанную мандалу разрушают.

Карл Густав Юнг идентифицировал мандалу как архетипический символ человеческого совершенства – ныне она используется в психотерапии в качестве средства достижения полноты понимания собственного «Я».

Простая техника работы с Мандалой

Очистив разум от эмоций и мыслей, направьте взгляд в центр изображения мандалы, но не фокусируйте его. Обратите бесстрастное внимание наблюдателя внутрь себя и «прислушайтесь». При возникновении каких-либо ощущений, не пытайтесь их оценивать или анализировать, просто сфокусируйте внимание на них, чтобы усилить эффект до максимума, и продолжайте наблюдать за своим внутренним миром, погружаясь в него всё глубже. Время концентрации определяется индивидуально и зависит от тренировки (от 5 минут до часа и более); можете прекращать, как только почувствуете, что утомились фокусировать внимание, и никаких изменений в вашем состоянии больше не происходит.

Но, прежде чем начать применение мандал, следует знать:

- Управляются мандалы человеческой мыслью, а потому чем положительнее информация, тем больше энергии проходит через этот канал;
- Мандалы не являются источниками энергии, они только ее проводят;
- Их энергия мгновенно распространяется на любые расстояния, проникая через все препятствия; взаимодействие человека с мандалами происходит непрерывно;
- На работу с мандалами настройка производится мысленно, вне зависимости от их местонахождения, поскольку они могут храниться в любом месте;
- Одновременно можно использовать до 3–4 изображений.

Работать с мандалами можно ежедневно, по индивидуальной потребности, например, по 15–30 минут, делая перерыв на каждый седьмой день. Через 5–6 месяцев занятия можно проводить через 1–2 дня, спустя год делать еще реже и заниматься сознательно только тогда, когда для этого появляется внутренняя необходимость.

Применение изображения мандал разнообразно: с их помощью можно снимать головные боли, уменьшать воздействие метеорологических факторов, тренировать память, нейтрализовать геопатогенные зоны, использовать для очистки любых сред, пространства, предметов, организмов, медитировать.

Оздоровление организма

Для оздоровления организма требуется найти спокойное место и время. Положите изображение на колени либо поместите напротив себя. Примите удобную позу, максимально расслабьтесь и пристально смотрите на мандалу. Погружаясь в узоры, настройтесь на вибрации добра, отдыха и покоя. Вообразите, что это живая точка пространства, которая сочувственно выслушивает вас и все понимает.

Обращаясь через мандалу к Миру, пожелайте ему мысленно или вслух благополучия и счастья, сказав что-то вроде: «Да будет добро всему Космосу». После этого сформулируйте свое желание-намерение, например: «Пусть исчезнут все мои болезни, перечислите их, а мое биополе станет мощным и плотным, надежно защищая меня от всяческих бед и напастей. Я здоров. Пусть во мне увеличиваются разум, сила любви, и я здоров, полон энергии и сил». Пожелайте себе то, что вам полезно и необходимо. После этого закройте глаза и мыслен-

но вернитесь в тот период совей жизни, когда вы были счастливы и здоровы. В таком состоянии нужно находиться минут двадцать. Если вы уснете, это к лучшему – во время сна восстановление идет эффективней.

Обереги с помощью мандал

Мандалы можно использовать в качестве оберегов. Задайте мандале программу вашей защиты, например: «Образуй информационно-энергетический щит против воздействия вредных энергий окружающей среды, злых мыслей и недобрых действий существ». Такой оберег лучше всего постоянно носить с собой. Можно помещать в салон машины, на входную дверь, окна, кошелёк и любые другие вещи, которые находятся при вас большую часть времени. Активизируйте: «Я ставлю защиту моего разума, тела и души от воздействия вредных энергий окружающего меня мира». «Через порог этой квартиры не проникнет ни одна злая сущность».

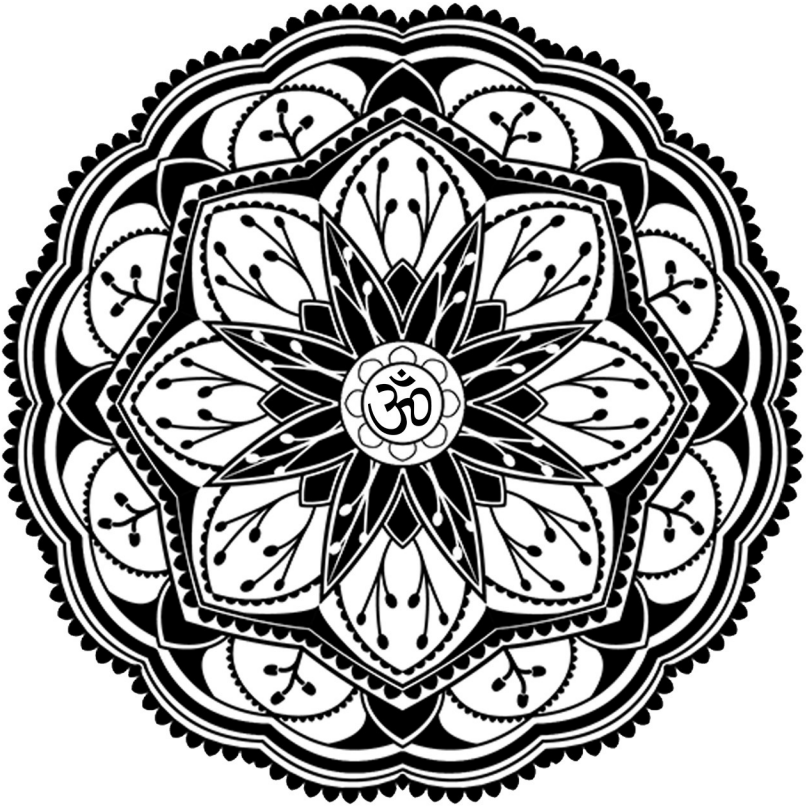
Творчество

Достаточно поместить мандалу в помещении, где находится ваше пространство творчества. Мандала поспособствует расширению вашего творческого потенциала, простимулирует творческую деятельность, поможет найти силы и способы для реализации творческих идей.

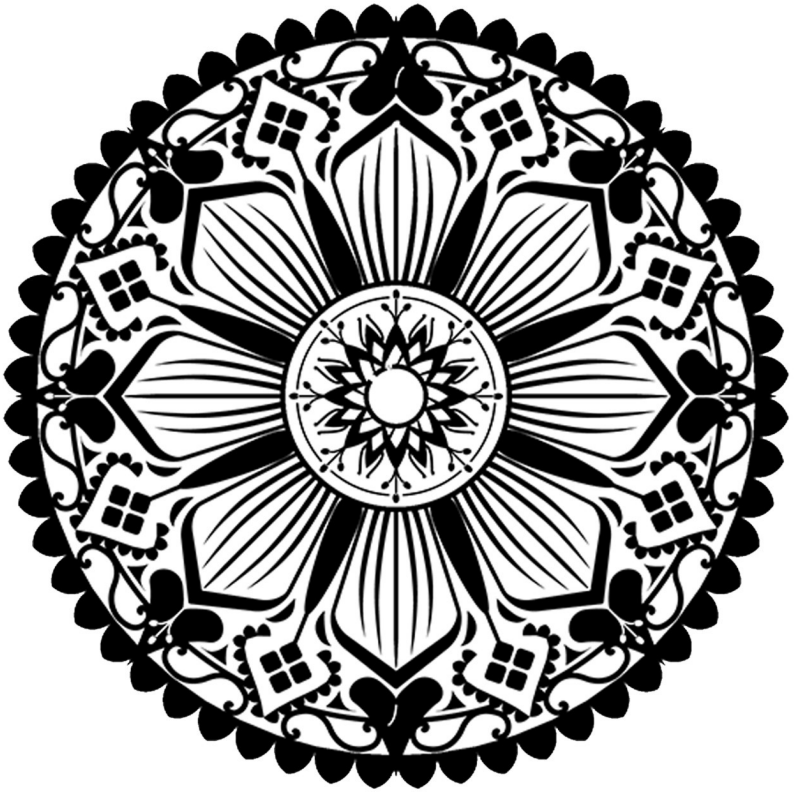
И помните – мандала это Существо Света, поэтому, поработав с ней, не забудьте поблагодарить!

МАНДАЛА И ЕЕ СИЛЫ

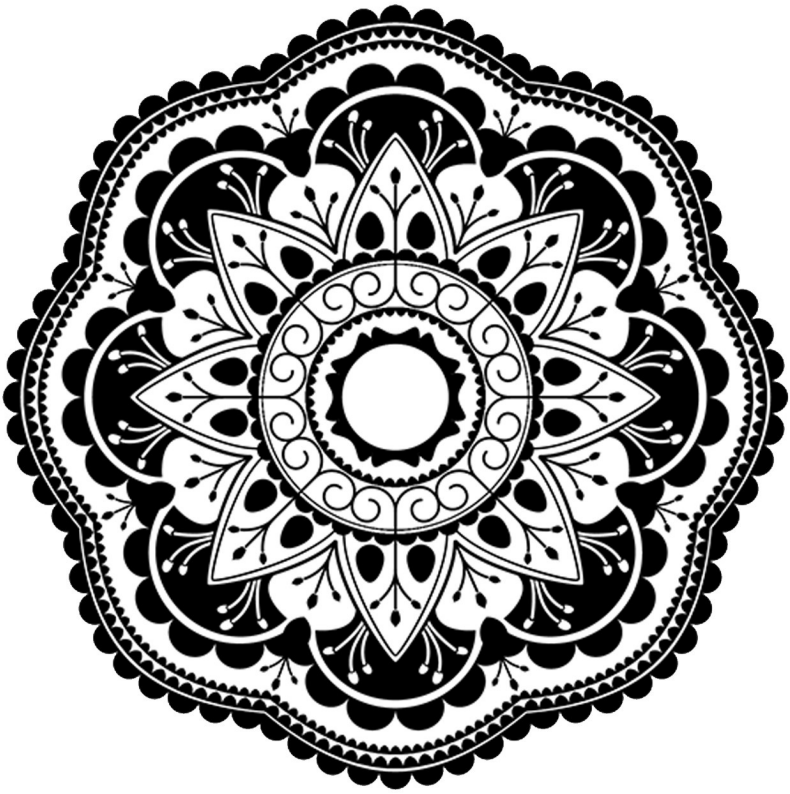
Предлагаем нашим читателям несколько мандал для раскрашивания. Раскрашивание мандал идеально подходит для снятия стресса. Кроме того, это может привести вас в состояние медитации. Обращая свое внимание на формы и линии, мандала постепенно начнет раскрываться перед вами. Она расшифрует все свои секреты. Эти секреты – сообщения, которые требуется принять и запомнить. Просто возьмите в руки карандаши, сядьте поудобнее и расслабьтесь.



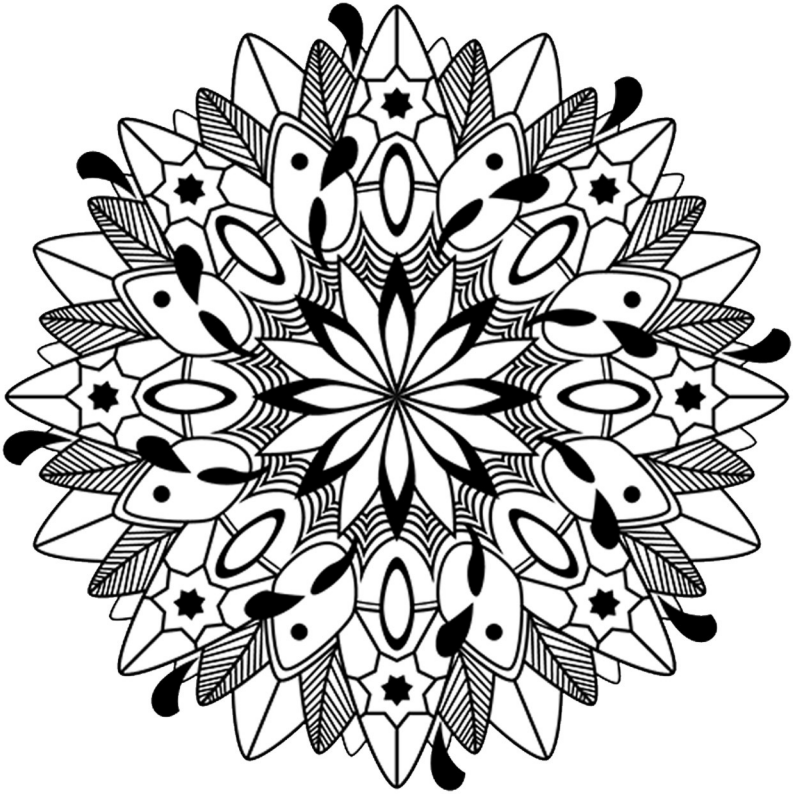
ОМ-МАНДАЛА



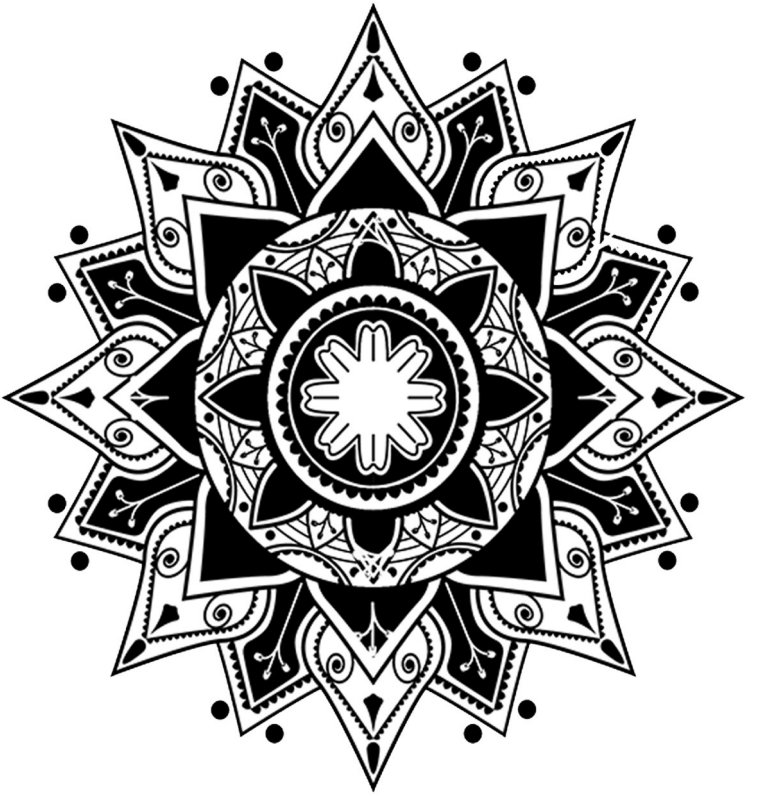
МАНДАЛА ЖЕЛАНИЙ



АНТИСТРЕССОВАЯ МАНДАЛА



МАНДАЛА ДЛЯ ЗДОРОВОГО СНА



МАНДАЛА ДЕНЕЖНАЯ

Содержание

Введение	5
Ирина Яворовская	10
Гюльшен Ализаде	14
Борис Губерман	21
Татьяна Бадакова	23
Виктория Левина	30
Илана Городисская	31
Марина Ламбертц-Симонова	36
Ольга Фокина	54
Эвелина Цегельник	55
Максим Сафиулин	79
Альбина Гарбунова	80
Елена Ханина	96
Назар Шохин	100
Ирина Яворовская	102
Ольга Равченко	104
Елена Ханина	106
Ольга Труба	107
Борис Губерман	112
Александр Василенко	114
Ирина Яворовская	125
Елена Кёрн	127
Борис Губерман	130
Жанна Наварр	132
Мандалы	140

© Альманах «Аум»
Литературный альманах

© Verlag „STELLA“
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
artstellapro@gmail.com
Tel. +491743840306

ISBN 978-3-95772-310-9

9 783957 723109